

MILHIST

INFO

ББК 63.3

УДК 94(47).035=161.1(045)"653"(47)

Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок

Аннотация: Данная статья – первый опыт комплексного биографического исследования выдающегося воеводы XV столетия – Федора Васильевича Басенка. По своей значимости этот полководец не уступает такому прославленному воеводе русского средневековья, как Даниил Холмский, чья скульптура представлена на памятнике 1000-летия России в Великом Новгороде. Автор изучает биографию воеводы, а также исследует войны и события, в которых тот принимал участие.

petergof-history@yandex.ru

Ключевые слова: XV в., Василий Темный, Дмитрий Шемяка, Федор Басенок, сражение под Русой, Новгород, Коломна, Мамутяк, сражение на Листани, Великий Устюг.

Автор:

Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности историк. В настоящее время – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая топография.

Литература, использованная в статье:

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988.

Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — М., 1992.

Лурье Я.С. Из истории русского летописания конца XV века // Труды отдела древнерусской литературы. — Л., 1955. — Т. 11.

Селиверстов Д.А. Русский Азенкур // Журнал «Воин» — 2008. — № 6.

Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Несин М.А. Набеги татар Большой Орды на Коломенскую округу сер. 1450-х Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура // Материалы

Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 2–3 декабря 2014 г. — Ижевск, 2014.

Алексеев Ю.Г. Андрей Михайлович Плещеев - боярин Ивана III // Средневековая и новая Россия. — СПб., 1996.

Борисов Н.С. Князь Холмский // Русские полководцы XIII-XVI вв. — М., 1992.

Селиверстов Д.А. К вопросу о службе «даточных людей» в войске Иоанна Васильевича Грозного (отклик на статью Молочникова А.М.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. — С. 73-93 <<http://www.milhist.info/2013/05/23/seliverstov>> (23.05.2013).

Молочников А.М. Замечания на отклик Д.А. Селиверстова по поводу статьи о даточных людях черносошных земель в войске Ивана Грозного [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. — С. 94-103 <http://www.milhist.info/2013/07/08/molochnikov_2> (08.07.2013).

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. — М., 1960.

Несин М.А. Купечество вечевое Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — Великий Новгород, 2012.

Карамзин Н. М. История Государства Российского в 3-х книгах. — СПб., 2000. — Кн. 2.

Московские князья периода династических войн второй четверти XV в. в Великокняжеском и независимом летописании (галицкая ветвь) // Вестник Томского Государственного Университета — Томск, 2011. — Вып. № 48

Рявкин Г. Тайная история Новгорода Великого. — В. Новгород, 2011.

Козляков В.Н. Рец. на: А. А. Зимин. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. // Вопросы истории. 1992. — Вып. № 10.

Панеях В.М. Панорама истории России XV-XVI веков А.А. Зиминой. К выходу в свет книги «Витязь на распутье // Отечественная история. — М., 1992 — Вып. № 6. — Серия 1.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — М., 2009.

Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник — Сыктывкар, 1958. — Вып. № 4. — С. 261; ПСРЛ. — Т. 37.

Давыдов В.П. Присоединение Коми края к Московскому государству. — Сыктывкар, 1977.

- Алексеев Ю.Г. Государь Всея Руси. — Новосибирск, 1991
- Русская историческая библиотека. — СПб., 1880. — Т. 6.
- Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора // Церковная традиция и историческая критика — М., 1988
- Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. — М., 1969.
- Несин М.А. Языческие выступления в Северо-Восточной Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — Вып. № 2-1.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. I. — № 56.
- Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 470-472. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- Несин М.А. Новгород 1470-х гг.: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика. 2010. — В. Новгород, 2011. — Ч. 1.
- Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. — М.;Л., 1961.
- Несин М.А. Социальная организация Новгородского веча // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 / составитель В.Ф. Андреев. — В. Новгород, 2013.
- Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015)

Nesin M.A. Military governor (voivode) Fedor Vasil'evich Basenok

Summary: This article is the first experience of the author to make an overall biographical research of the life of one of the outstanding officers of the XV century— Fedor Vasil'evich Basenok. This military governor of Medieval Russia was as famous as Daniil Holmski, whose sculpture decorates The Millennium of Russia - a bronze monument in the Great Novgorod. The author studies his biography, wars and different events he took part in.

petergof-history@yandex.ru

Keywords: XV century, Vasily Tiomniy (Blind), Dmitry Shemyaka, Fedor Basenok, battle of Rusa, Novgorod, Kolomna, Mamutyak, battle of Listan, Great Ustyug.

Author:

Nesin Mikhail. In 2009 he graduated from the faculty of History of the St. Petersburg State University with a degree in history. Currently he is a postgraduate student at the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Research interests: history of the Medieval Russia until Moscow time, Russian troops tactics, social history and historical topography.

References:

Zimin A.A. Formirovanie bojarskoj aristokratii v Rossii [Formation of the boyar aristocracy in Russia]. — M., 1988.

Alekseev Ju. G. Pod znamenami Moskvy: bor'ba za edinstvo Rusi [Under the banner of Moscow: the struggle for the unity of the country]. — M., 1992.

Lur'e Ja.S. Iz istorii russkogo letopisanija konca XV veka [From the history of Russian Chronicles of the end of the XV century] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. — L., 1955. — T. 11.

Seliverstov D.A. Russkij Azenkur // Zhurnal «Voin» — 2008. — № 6.

Nesin M.A. Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [Russia battle: 3 February 1456] [Electronic issue] // History of military art: researches and sources — 2014. — Vol. V. — P. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Nesin M.A. Nabegi tatar Bol'shoj Ordy na Kolomenskuju okrugu ser. 1450-h Evropa v Srednie veka i Rannee novoe vremja: Obshhestvo. Vlast'. Kul'tura [The raids of the Tatars of the Great Horde at the Kolomna district mid. 1450] // Materialy Vserossijskoj, s mezhdunarodnym uchastiem, nauchnoj konferencii molodyh uchenyh. Izhevsk, 2–3 dekabnja 2014 g. — Izhevsk, 2014.

Alekseev Ju.G. Andrej Mihajlovich Pleshheev - bojarin Ivana III [Andrej Mihajlovich Pleshheev - boyar Ivan III] // Srednevekovaja i novaja Rossija. — SPB., 1996.

Borisov N.S. Knjaz' Holmskij [Prince Kholmsky] // Russkie polkovodcy XIII-XVI vv. — M., 1992.

Seliverstov D.A. K voprosu o sluzhbe «datochnyh ljudej» v vojske Ioanna Vasil'evicha Groznogo (otklik na stat'ju Molochnikova A.M.) [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2013. — Special'nyj vypusk. I. Russkaja armija v jepohu carja Ivana IV Groznogo: materialy nauchnoj diskussii k 455-letiju nachala Livonskoj vojny. — Ch. II. Diskussija. Vol. II. — P. 73-93 <<http://www.milhist.info/2013/05/23/seliverstov>> (23.05.2013).

Molochnikov A.M. Zamechanija na otklik D.A. Seliverstova po povodu stat'i o datochnyh ljudjah chernososhnyh zemel' v vojske Ivana Groznogo [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2013. — Special'nyj vypusk. I. Russkaja armija v jepohu carja Ivana IV Groznogo: materialy nauchnoj diskussii k 455-letiju nachala Livonskoj vojny. — Vol. II. Diskussija. Vyp. II. — P. 94-103 <http://www.milhist.info/2013/07/08/molochnikov_2> (08.07.2013).

Cherepnnin L.V. Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. [The formation of the Russian centralized state in the XIV-XV centuries.] — M., 1960.

Nesin M.A. Kupechestvo vechevogo Novgoroda XII-XV vv. po dannym pis'mennyh istochnikov [The merchant of Novgorod Veche XII-XV centuries. According to written sources] // Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problemy sohraneniija i nauchnogo ispol'zovanija. — Velikij Novgorod, 2012.

Karamzin N. M. Istorija Gosudarstva Rossijskogo v 3-h knigah [History of The Russian State]. — SPb., 2000. — Kn. 2.

Moskovskie knjaz'ja perioda dinasticheskikh vojn vtoroj chetverti XV V. V Velikoknjazheskom i nezavisimom letopisanii (galickaja vetv') [Princes of Moscow period of dynastic wars of the second quarter of the XV century] // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta — Tomsk, 2011. — Vyp. № 48

Rjavkin G. Tajnaja istorija Novgoroda Velikogo [The secret history of Novgorod the Great]. — V. Novgorod, 2011.

Kozljakov V.N. Rec. na: A. A. Zimin. Vitjaz' na rasput'e: feodal'naja vojna v Rossii XV v. // Voprosy istorii. 1992. — Vyp. № 10.

Panejah V.M. Panorama istorii Rossii XV-XVI vekov A. A. Zimina. K vyhodu v svet knigi «Vitjaz' na rasput'e [Panorama of Russian history of the XV-XVI centuries] // Otechestvennaja istorija. — M., 1992 — Vyp. № 6. — Serija 1.

Alekseev Ju.G. Pohody russkikh vojsk pri Ivane III [Campaigns of the Russian army under Ivan III]. — M., 2009.

Vyhegodsko-Vymskaja letopis' // Istoriko-filologicheskic sbornik — Cyktyvkar, 1958. — Vyp. № 4. — S. 261; PSRL. — T. 37.

Davydov V.P. Prisoedinenie Komi kraja k Moskovskomu gosudarstvu [The accession of the Komi region to the Moscow state]. — Syktyvkar, 1977.

- Alekseev Ju.G. Gosudar' Vseja Rusi [Tsar of All Russia]. — Novosibirsk, 1991
- Janin V.L. Nekropol' Novgorodskogo Sofijskogo sobora [The necropolis of St. Sophia Cathedral in Novgorod]. // Cerkovnaja tradicija i istoričeskaja kritika — M., 1988
- Nasonov A.N. Istorija ruskogo letopisanija XI — nachala XVIII v. [The history of Russian Chronicles XI — beginning of XVIII century.] — M., 1969.
- Nesin M.A. Jazyčeskie vystuplenija v Severo-Vostočnoj Rusi [Pagan performances in North-Eastern Russia] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. — 2014. — Vyp. № 2-1. Akty istoričeskie, sobrannye i izdannye Arheografičeskoju komissieju. — T. I. — № 56.
- Nesin M.A. Shelonskaja bitva 14 ijulja 1471 g.: k voprosu o taktike moskovskih vojsk i uchastii zasadnoj tatarskoj rati [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — T. IV. — S. 470-472. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- Nesin M.A. Novgorod 1470-h gg.: sootnoshenie vneshnepolitičeskikh iskanij s predannost'ju rodnoj «starine» [Novgorod 1470] // Novgorodika. 2010. — V. Novgorod, 2011. — Ch. 1.
- Bernadskij V.N. Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV veke [Novgorod and Novgorod land in the XV century]. — M.;L., 1961.
- Nesin M.A. Social'naja organizacija Novgorodskogo vecha [Social organization of the Novgorod Veche] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: materialy nauchnoj konferencii 17-18 nojabrja 2011 / sostavitel' V.F. Andreev. — V. Novgorod, 2013.
- Kuz'mina O.V. Respublika Svjatoj Sofii [Saint Sophia Republic]. — M., 2008

Internet link:

http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4

Reference link:

Nesin M.A. Military governor (voivode) Fedor Vasil'evich Basenok [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015)

ВОЕВОДА ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ БАСЕНОК

До сих пор не было создано отдельного исследования, посвященного выдающемуся воеводе XV в. Федору Васильевичу Басенку. Его биография в целом также была изучена мало. Два автора – А. А. Зимин в работе, посвященной боярской аристократии на Руси¹, и Ю. Г. Алексеев в монографии, посвященной московской централизации при Иване III², кратко перечислили основные факты биографии Ф. В. Басенка. Некоторые аспекты биографии воеводы встречаются и в ряде других работ отечественных исследователей. Так, согласно свидетельству Я. С. Лурье, А. А. Зиминим были обнаружены известия одного из списков Кирилло-Белозерского рукописного летописца Гурия Тушина об ослеплении Ф. В. Басенка и его переводе в Кирилло-Белозерский монастырь³. Сам Я. С. Лурье установил связь Ф. В. Басенка с составителем Ермолинской летописи⁴. Недавно были опубликованы наши с Д. А. Селиверстовым статьи о московско-новгородском сражении под Русой 1456 г., в котором московские войска также возглавлял Ф. В. Басенок⁵. Немного позднее нами были изучены бои московских войск с набегами татар Большой орды в середине 1450-х. В одном из этих боев великокняжеский двор тоже вел в битву воевода Басенок. И вновь в борьбе Дмитрия Шемяки и московских войск на русском севере в начале 1452 г. среди назначенных великокняжеских воевод встречается Ф. В. Басенок⁶.

Тем не менее, подчеркнем это еще раз, полноценного, комплексного биографического исследования, посвященного данному полководцу до сих пор так и нет. Остается только сожалеть о невнимательности потомков к деятельности воеводы, который в своей значимости ничуть не уступает другим знаменитым служилым людям XV в., вроде Андрея Михайловича Плещеева и даже Шелонского победителя князя Даниила Дмитриевича Холмского, биографиям которых

посвящена статья Ю. Г. Алексеева⁷ и особая глава в книге Н. С. Борисова о самых прославленных полководцах средневековой Руси⁸. Обозначившуюся в этих работах тенденцию к изучению биографий отдельных воевод, по нашему мнению, следует развивать. И Федор Васильевич Басенок — участник важных сражений времен Василия Темного — весьма удачная кандидатура для такого исследования.

Откуда происходил род Басенка — неизвестно. Как отмечает А. А. Зимин, согласно позднему памятнику XVI в. — одному из вариантов родословной Щербиных, некий Андрей Басенков «происходил «из немец» (от боярина князя Всеволода Холмского)». Сам историк относится к этой версии как к легендарной⁹. Отметим, что она сама по себе весьма противоречива, ведь сам Федор Васильевич именовался Басенком, и лишь его потомки, начиная с его сына и внуков, были Басенковыми. Следовательно, уже Федор Басенок, а не его вымышленный предок Андрей, дал начало фамилии Басенковых своим личным прозвищем.

Первое достоверное упоминание о Ф. В. Басенке содержится в Ермолинской летописи и относится к событиям зимы 6951 (1442-43) г., когда он «мужствовал» в битве московского великокняжеского «двора» с татарами «царевича» Мустафы на р. Листвянке под Рязанью. При этом, из контекста известия можно сделать вывод, что Басенок участвовал в бою в составе московской служилой рати, так как источник сообщает именно о ней и ее потерях¹⁰. Как показал Я. С. Лурье, в этой летописи содержатся некоторые уникальные сведения о Басенке, связанном лично с летописцем, как в свое время Ян Вышатич был связан с составителем Киево-Печерского свода¹¹. Более того, летопись как бы передает впечатления самого воеводы о том, как он «мужствовал» с московским войском еще в битве на Листвянке в 1442-43 гг. (в иных летописях первые сведения о нем относятся к более позднему времени), как, не подчинившись Шемяке и бежав из-под ареста, он взял с собой своего пристава и пытался занять Коломну, как он прибыл из «иных стран» перед боями с татарами Большой Орды, как он, «удалой воевода», побил

многочисленных новгородских «смердов» под Русой. Также наиболее подробно описывается покушение на него новгородских «шилльников»¹². Любопытно, что именно в рассказе Ермолинской летописи наиболее подробно повествуется о павших в сражении на Листвянке московских ратниках: уточняется, что убитый Лыков имел прозвище Жук – «Жук Лыков», и занимал должность коломенского наместника, а также упоминается еще один персонаж, отсутствующий в иных источниках – некий Григорий Васильевич Глебов, застреленный татарами в челюсть¹³. Надо думать, книжник и на этот раз записал личные воспоминания Басенка, с этими людьми как-то связанного. Одного Басенок по-свойски назвал по прозвищу и упомянул, что тот тогда был наместником в приграничной подмосковной крепости, а о гибели другого, которая, по-видимому, не считалась московскими властями особо значимой, он, тем не менее, сообщил, и при этом, как очевидец, даже прибавил, каким образом его поразили. Не стоит исключать, что упомянутая Басенком должность Лыкова имела для него и служебное значение. Возможно, он и сам еще в начале 1440-х гг. имел землю в коломенской округе или служил там, так как через три года, бежав из Москвы в Коломну, он найдет там много своих приятелей, у которых будет жить и которых подобает объединиться с ним против Шемяки и бежать в Литву.

Другое дело, что во время сражения на р. Листвянке Басенок не входил в число главных воевод московской рати. Согласно летописным повестям «о Мустафе, иже убит на Рязанской земле» и «повести о Мустафе царевиче», Великий Московский князь Василий II послал во главе своего «двора» князя Василия Ивановича Оболенского и Андрея Федоровича Голтяева¹⁴. Первая повесть приводится в наиболее раннем достоверном московском великокняжеском летописном своде 1472 г.¹⁵, дошедшем до нас в составе Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей. Вторая, сохранившаяся в составе Никоновской, по предположению исследователей, восходит к свидетельствам местного Рязанского летописания.

Последняя, кроме того, что сообщает подробности более раннего пребывания Мустафы на Рязанской земле, содержит много интересных подробностей о составе и вооружении участников сражения, а также о тактике боя. Согласно этому источнику, на стороне москвичей по призыву великого князя выступала и мордва (заметим – мордва впервые выступает в союзе с русскими против ордынцев, до этого она не выходила из-под их подчинения), кроме того, к ним присоединились «рязанские казаки»¹⁶. Все эти войска, включая ехавшего в составе московского двора Басенка, двигались на лыжах, были «с сулицами, и с рогатинами, и с саблями», то есть вооружены саблями, метательными копьями — сулицами и рогатинами¹⁷. В то время была морозная снежная зима, и на лыжах было перемещаться быстрее, удобнее и экономичнее, чем на конях, – сено тогда очень подорожало, да и у самого Мустафы, кстати, кони от мороза и ветра «померзли»¹⁸. С трех сторон напали москвичи, мордва и казаки на оставшийся без боевых коней отряд Мустафы, располагавшийся «под городом» у речки Листвянки. Кроме того, была набрана большая пешая рать с дубинками топорами и рогатинами¹⁹. По-видимому, она состояла из крестьян — рязанское служилое войско с князем в битве явно не принимало участия, а горожане – «рязанцы» (вероятно, торгово-ремесленное посадское население) упомянуты отдельно – они сперва выкупили пленных, взятых татарами в Рязанской земле, а потом выпроводили из города татарское войско, вставшее у них на зиму на постой²⁰.

Интересно и сообщение о казаках – они впервые упоминаются в русских источниках. Едва ли это были городовые казаки, служившие рязанскому князю – князь этот в бою не участвовал и свои отряды не выводил. Мнения ученых о происхождении казаков расходятся, а малое количество источников за то время располагает к всевозможным гипотезам. В данном случае, надо полагать, речь идет об образовавшейся в период ордынского ига в разоренных приграничных окских землях категории свободных вооруженных людей, не входящих в какие-либо

общинные и сословные корпорации местного населения и не подчинявшихся напрямую рязанским властям. Как раз за несколько лет до этого в связи с распадом Золотой Орды по-соседству появляются войска вытесненного из Сарая Улу-Мухаммеда. Это, очевидно, и повлияло на консолидацию казаков в сильные вооруженные формирования. Недавно Д. А. Селиверстов предположил, что казаками порой называли просто охочих даточных людей²¹. Однако А. М. Молочников показал, что казаки выступают в источниках в качестве отдельных военных отрядов²². Окские казаки иногда служили не только непосредственно великому князю, но и окрестным татарам. В 1445 г. две тысячи «казаков» участвовали в походе Улу-Мухаммеда на «Черкасов», предварительно без «слова» хана пограбив Лух, лежавший в нынешней Ивановской области. Надо полагать, речь идет о тех же казаках, живших у Оки неподалеку от Мурома, откуда выступил хан и недалеко от разоренного ими Луха²³. В «словесах избранных, иже суть толковых» сообщается, что в отряде касимовских татар, шедших в 1471 г. на Новгородскую землю с московским войском, помимо рядовых татар – «людей»²⁴ и татарских «князей», двигались и казаки²⁵. Это дает основание полагать, что рязанские казаки проживали по Оке между Мещерским городком (с 1450-х гг. – Касимовым) и Рязанью.

В отличие от москвичей и мордвы, призванных Василием II, и местной пешей крестьянской силы, собранной московскими воеводами, казаки не были никем призваны и набраны, то есть прибыли по своей воле. Надо думать, Мустафа разграбил по дороге на Рязань и их земли. Но, в отличие от рязанского князя, они не проводили политики невмешательства, а отомстили интервентам по собственной инициативе, внося свой вклад в победу над ними. Москвичи же, включая Басенка, вернулись на лыжах в свою землю с победой.

В следующий раз имя Басенка упоминается в источниках три года спустя, в 1446 г., когда Москву захватил старый соперник Василия II – Дмитрий Шемяка, и

стал приводить москвичей к присяге на кресте. Лишь один Басенок не стал целовать крест узурпатору.

Ничего не известно об участии Басенка в произошедшей 7 июля 1445 г. знаменитой битве под Суздалем между москвичами и казанскими татарами под предводительством сыновей Улу-Мухаммеда Ягупа и Мамутяка (впрочем, летописи не сообщают и имен главных московских воевод в том походе, поэтому не исключено, что восхождение Басенка в качестве видного военачальника, вопреки расхожему мнению, началось до того, как он в 1446 г. докажет верность Василию II – М. Н.). Неизвестно, избежал ли он татарского плена, или как, например, А. М. Плещеев, или сам московский великий князь Василий II, все же оказался в плену. Но тем не менее, поражение в этом сражении москвичей сыграло важную роль как в судьбе великого князя, так и его служилого человека Басенка, прямо повлияв на судьбу Московского княжения в следующем 1446 г.

В те дни москвичи, услышав о поражении князя, скопились внутри городских укреплений и заперлись в осаде. Огромное столпотворение способствовало неконтролируемому возгоранию и распространению пожарного пламени – в ночь на 14 июля огонь загорелся внутри Кремля и уничтожил почти весь город, разорив и погубив многих жителей.

Выпущенный из плена в начале октября, великий князь возвратился уже поздней осенью в совершенно разоренную, всю обгоревшую после летнего пожара Москву со сгоревшими деревянными постройками, развалившимися каменными церквами и обвалившимися кремлевскими стенами. Его дом в Кремле долго не могли привести в порядок, и он одно время жил за городом в имении своей матери в Ваганьково. Выдерживать серьезную осаду и готовиться к войне с несколькими князьями такой город едва ли мог. К тому же, скоро во всей стране, от Балтики до Дикого поля, началась лютая, необыкновенно снежная зима. В Великом Новгороде

очень подорожало сено²⁶, а в Московской земле, по словам местного великокняжеского хрониста, снежный покров и вовсе достигал в толщину якобы целых 9 пядей²⁷. А это сулило не оправившейся от пожара Москве лишь новые бедствия и не могло способствовать ее скорейшему оживлению. Поэтому, надо думать, отнюдь не случайно враги Василия во главе с давно метившим на Московское Великое княжение Галицким князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой выбрали именно эту зиму, чтобы внезапно напасть на Москву и самого московского князя, отбывшего на богомолье в Троице-Сергиев монастырь.

Кроме мелкого Можайского князя Ивана Андреевича, Шемяке удалось склонить на свою сторону и Великого Тверского князя Бориса Александровича, передав ему лживую весть, будто Василия отпустили из плена передать ордынскому хану Москву, а самому сесть вместо него в Твери (этот навет, согласно независимому свидетельству новгородского летописания, и послужил удобным поводом для этих трех князей оправдать свою захватническую политику и гордо осудить пленного Василия именно за то, что он «любил» татар «паче меры», христиан «томил паче меры», отдавал татарам золото, серебро, русские города и всю Русскую землю)²⁸.

Дмитрию Шемяке вдобавок помогли сами представители Московской земли — из числа великокняжеских бояр, «гостей» и собственно «троицких старцев». Они, собственно говоря, и дали ему знать об отъезде великого князя из Москвы на богомолье. Именно поэтому Дмитрий и его союзники так оперативно осуществили задуманное, внезапно напав и на великого князя, и на Москву. А. А. Зимин считает, что этими монахами, боярами и купцами двигало недовольство «протатарской» политикой Василия II, но в чем собственно она заключалась, он не уточняет²⁹. Как впоследствии показал А. А. Горский, подобный взгляд на особые отношения с Ордой Василия II не подтверждается фактами, а тот же Шемяка воевал с татарами лишь однажды, по приказу самого Василия, а потом не всегда поддерживал его в сражениях с войсками Уллу-Мухаммеда³⁰. По Ермолинской летописи, Шемяка

пообещал своим московским сторонникам, что с его приходом к власти отпадет необходимость платить за свергнутого Василия выкуп татарам³¹. Однако основная тяжесть поборов ложилась не на купцов и тем более не на бояр, а на городскую «чернь», никто из которой не вызвался предавать Василия. Те же, кто стал наводчиками, очевидно, хотели каких-то своих выгод. Но едва ли верно все сводить лишь к феодальным интересам³².

Примечательно, что из купцов в переменах на княжении оказались заинтересованы именно «гости». Гости же, вопреки расхожему мнению, необязательно представляли собой богатейших торговцев, а просто были купцами разного достатка и статуса, профессионально занимавшимися внешней торговлей с иными странами и с другими русскими землями³³. Между тем, объединение Московской земли со старыми Галицкими Шемякиными владениями открывало им невозможный ранее свободный доступ к прибыльной беспошлинной торговле знаменитой галицкой солью. В середине февраля 1446 г. Дмитрий Шемяка сел на московское княжение. Василий был ослеплен и сослан в Углич — город, прежде входивший во владения Шемяки (надо думать, ему так отомстили за брата Шемяки, Василия Косого, которому он сам в свое время выколол глаз). Будучи еще достаточно молодым мужчиной — всего 31 года отроду, Василий II навсегда потерял дар зрения и получил прозвище Темного. Но его старшие сыновья — 6-летний Иван и 5-летний Юрий были вовремя тайно вывезены из Троице-Сергиевского монастыря и увезены в Муром преданными ему служилыми людьми, и оберегались от Шемяки правившими там князьями Ряполовскими.

Сев на московский стол, Шемяка в скором времени привел к присяге московских служилых и посадских людей, и лишь один Басенок отказался, за что был по приказу нового московского правителя закован в кандалы. Об этом сообщает официальная московская повесть, сохранившаяся в составе великокняжеского летописания³⁴, а также Ермолинская летопись, которая

представляет собой самостоятельный памятник, сообщающий об этих событиях некоторые уникальные подробности³⁵. При этом оба источника не объясняют причин такого поведения Басенка³⁶. Но, несомненно, он проявил большую решительность и отвагу, которые и впоследствии продемонстрирует не единожды – в бою под Коломной с татарами Большой Орды в 1454 г. и особенно в сражении под Русой 3 февраля 1456 г, когда с небольшим количеством служилых людей и союзных татар он сумел срочно принять решение и быстро и оперативно с помощью ловкого тактического маневра отбить нападение во много раз большего по численности ополчения новгородцев.

По версии великокняжеского летописания, «московские дети боярские» присягнули Шемяке от безысходности, узнав, что шурин и союзник Василия, Боровский князь Василий Ярославич вместе с московским служилым человеком князем Семеном Оболенским отъехал в Литву, чтобы быть от Шемяки подальше³⁷. Соответственно, они не видели средств для борьбы с Шемякой. И, хотя этот источник в виду своего официозного происхождения является достаточно тенденциозным — Дмитрий Шемяка в нем показан изначально непопулярным антагонистом — какая-то часть московских служилых людей, впоследствии отъехавших от Шемяки, вероятно, в самом деле целовала ему крест, не видя иного выхода из-за отсутствия рядом лидеров, способных организовать сопротивление узурпатору. Поэтому они благополучно прожили на территории Московского княжества до мая-июня, не будучи, в отличие от Басенка, подвергнутыми репрессиям. Таким образом, крестоцелование надо датировать едва ли более ранним временем, чем начало марта — Василию Боровскому надо было как минимум несколько дней, чтобы узнать о захвате Москвы Шемякой и уехать в Литву, а москвичам еще несколько дней, чтобы узнать об этом. Следовательно, к середине февраля, когда Шемяка занял московское княжение, надо прибавить приблизительно две недели. С другой стороны, он, в свою очередь, сам стал

приводить к кресту москвичей именно в связи с отъездом Василия Ярославича с Оболенским, чтобы те не вздумали следовать их примеру. Тем не менее, источники сходятся на том, что один лишь Басенок целовать крест отказался, за что был закован в кандалы, но впоследствии смог уговорить своего пристава освободить его³⁸. Едва ли дело было в «подкупе»³⁹. Ермолинская летопись добавляет, что пристав потом бежал с ним⁴⁰. По словам московской повести, Басенок сбежал за 80 км от Москвы в лежавший на границе с рязанскими владениями город Коломну, где «лежал» — жил у своих товарищей-единомышленников, тоже не желавших мириться с пленением Василия II и новой властью Шемяки. Многих он подговорил идти с ним и пограбил вместе с ними коломенские окрестности, а потом убежал в Литву под покровительство Василия Ярославича⁴¹. Кроме того, Ермолинская летопись сообщает, что еще находясь под Коломной, он пограбил коломенский посад и «мало не взял»⁴² саму крепость, стоявшую на крутом всхолмлении у Москвы-реки близ ее впадения в Оку. Таким образом, у Басенка было достаточно сторонников, чтобы безнаказанно собираться и даже грабить посад. Но долго оставаться там было небезопасно. В Коломенской округе было немало и лояльных Шемяке служилых людей, не позволивших ватаге Басенка захватить саму крепость. К тому же, в любой момент мог прибыть и карательный отряд из Москвы. Тогда Басенок, надо думать, и решил пограбить коломенские «уезды»⁴³ (по мнению А. А. Зимины⁴⁴ — с досады, но, вероятно, чтобы как то снарядиться на долгий и небезопасный путь по литовским рубежам и кишачему татарями дикому полю, а затем уехать со своим отрядом в Брянск к Василию Ярославичу). Таким образом, едва ли под Коломной он провел много времени и, видимо, отъехал в Литву в пределах того же марта 1446 г. Василий Ярославич приютил их у себя в Брянске.

Между тем, примерно в конце апреля Дмитрий Шемяка вызвал к себе в Москву рязанского епископа Иону и послал его по очистившимся ото льда рекам на судах в Муром за детьми великого князя, боясь, что те могут стать знаменем борьбы с его

властью сторонников Василия Темного. Надо иметь в виду, что Муром тогда по домонгольской традиции оставался в составе Рязанской епархии, хотя и принадлежал уже соседнему Московскому княжеству. Так что Иона в этот город ехал на правах местного архиерея. Шемяка велел ему посулить муромским управителям соединить княжичей с их пленным слепым отцом, а самому Василию дать свободу и выделить какой-нибудь удел. Самому же епископу он пообещал, что сделает его митрополитом, если ему удастся выпросить малышей у охранявших их князей Рюполовских. Великокняжеский хронист связывает это с тем, что Шемяка якобы имел слишком много врагов в Московский земле, чтобы брать Муром штурмом⁴⁵.

Впрочем, согласно тому же источнику, Рюполовские сами выдали Ионе маленьких княжичей именно потому, что боялись, что Шемяка соберет на них рать, захватит город и возьмет их в плен, а с обоими сыновьями Василия все равно обойдется по своему усмотрению⁴⁶. Так что в пределах Московского княжества было не так мало лояльных Шемяке людей, если и Басенок с товарищами в Коломенских окрестностях, и даже Рюполовские, прочно державшие власть в надежно укрепленном Муроме, всерьез опасались возмездия со стороны Шемякина войска.

К тому же, заметим, что, по Софийской I (далее - СИ) и Ермолинской летописи, Шемяка заставил поклясться Иону своей душой⁴⁷, что княжичам с отцом будет дана свобода и княжение во владение. А в Средневековье такая клятва со стороны самого епископа значила много.

Вероятно, поэтому великокняжеский хронист и сообщает, что Рюполовские сказали, что не смеют просто так передать Шемяке детей Василия. Они направили Иону в соборный Рождественский храм и велели взять маленьких княжичей с «пелены Пречистой» на «свою епитрахиль», обещав сами потом его с ними

сопровождать к Шемяке⁴⁸. Таким образом, владыка должен был у самой Богородицы, в ее храме, торжественно взять детей Василия Темного на поруки, под личную архиерейскую ответственность (епитрахиль — часть облачения высших церковных чинов). Если намерения епископа были бы нечисты, то его после такой страшной, по представлениям средневекового общества, клятвы в церкви ожидало бы страшное возмездие свыше или, по крайней мере, какое-нибудь знамение. Таким образом, Шемяка поступил хитро, не став заниматься напрасным разорением крупной приграничной крепости, и постарался вдобавок придать своему поступку благочестивый вид с точки зрения христианства, заручившись помощью тамошнего архиерея. Тем более, что князь замыслил обман. Когда 6 мая Иона вместе с Рязполовскими привез княжичей к Шемяке в Переславль-Залесский, тот, вопреки прежним обещаниям, послал их к отцу в ссылку в Углич. Согласно великокняжеской летописной повести, именно после этого Рязполовские отказались служить ему и в скором времени договорились с другими видными служилыми людьми, чтобы вместе встретиться и в дальнейшем способствовать освобождению Василия Темного⁴⁹. Некоторые историки XIX в. поверили этому, фактически пересказав известие великокняжеского летописания⁵⁰. Однако весь этот официозный летописный рассказ был написан уже после победы Василия и сам по себе является достаточно тенденциозным - полным ярко выраженного сочувствия к пленному князю и ненависти к узурпатору и «изменнику» Шемяке. Соответственно, массовый отъезд сторонников Василия, примерно совпадавший по времени с вероломным поступком Шемяки, рассматривался не иначе, как непосредственная реакция на него — нравственное неприятие верных вассалов законного князя и коварство со стороны не по праву захватившего стол изменника.

Доверять столь тенденциозным известиям следует лишь при соотнесении их с данными иных более независимых источников. Напомним, что, согласно тому же источнику, Рязполовские и до этого были

откровенно не на стороне Шемяки, в течение квартала оберегая от него княжичей у себя в Муроме, но при этом они не смогли не посчитаться с просьбой Шемяки выдать их, боясь, что тот сможет собрать против них серьезную рать из лояльных ему служилых людей, способную захватить Муром и одолеть здешний служилый люд. Конечно, нечестный поступок Шемяки с княжичами не способствовал его популярности – вероятно, именно после него он второй раз «неволей» призвал московский посадский и служилый люд к присяге⁵¹. Но смог ли он стать достаточным поводом для столь массовой ненависти к Шемяке в среде московских служилых людей, чтобы такие осмотрительные люди как Ряполовские быстро решились поднять их на мятеж против Шемяки? Л. В. Черпенин в свое время также обращал внимание на тенденциозный характер московской повести и в противовес ее версии выдвинул гипотезу, что «к середине 1446 г. слуги великокняжеского «двора» оказались отстраненными от активной политической жизни боярами и детьми боярскими, прибывшими в Москву вместе с Дмитрием Шемякой. Экономическое и политическое положение московских бояр и детей боярских значительно ухудшилось, и они решили активно действовать, защищая свои права»⁵². Таким образом, массовый отъезд московского служилого люда объяснялся более прозаически — с точки зрения их феодальных интересов, которых Шемяка не удовлетворял. Но это предположение не находит подкрепления в источниках.

Весьма интересны в этой связи показания Ермолинской летописи, на которые ученые прежде не обратили внимание. Между тем, рассказ в ней построен не только по хронологическому, но и по тематическому порядку — сперва описывается пленение Василия (февраль) и вероломный захват его детей (конец апреля-начала мая), потом пленение и бегство Басенка (март) и летний мятеж Ряполовских и их сторонников с массовым отъездом в Литву (май-июнь — начало июля)⁵³. Причем этот отъезд по буквальным словам летописца был «тогда же»⁵⁴, когда и эмиграция Басенка.

В данном контексте этот оборот, безусловно, означает не строго хронологическое, а логическое сопоставление — уход Ряполовских в Литву связывался именно с отъездом Басенка. Достоверно узнав о том, что их несколько месяцев как сбежавшие из Руси земляки и единомышленники нашли приют в Литве (рубеж с которой, кстати, с зимы надежно охранялся перешедшими в свое время на службу Василию татарскими отрядами), многие московские служилые люди, не желавшие терпеть власть Шемяки, решили объединиться и уехать к ним. Именно побег Басенка из-под Коломны с дальнейшим житьем Литве у Василия Ярославича и побудил всех остальных сторонников Василия Темного объединиться с ним. Ряполовские были вполне разумными людьми, они вовсе не стали безрассудно рисковать жизнью, праведно возмущившись очередным коварством Шемяки, а получили надежные известия о судьбе Басенка и сознательно решили с объединиться с ним и Василием Ярославичем. Как будет видно далее, это подтверждается и данными московского великокняжеского летописания.

Уже в Петров день, 29 июня, служилые люди во главе с Ряполовскими и Семеном Филимоновым договорились встретиться под Угличем. Ряполовские (в их отряде в числе прочих находились И. В. Ощера и И. В. Стрига Оболенский) вышли из Муром, а группа Филимонова — из Москвы. Надо думать, они планировали вызволить из углицкого плена Василия Темного с тем, чтобы вывезти его вместе с его семьей в Литву к Василию Ярославовичу. Но их замысел не удался — в итоге до Литвы добрались не все, и князя не удалось освободить из-под ареста. Ведь Ряполовские так и не смогли добраться до места встречи. Шемяка, узнав об их отъезде из Мурома, послал им навстречу два военных отряда. С первым они встретились еще в устье Мологи и вступили с ним в бой. И, хотя Ряполовские вышли победителями, а второй отряд, узнав о поражении первого, ретировался без боя, они уже не могли рисковать оставаться в Московском княжестве, а тем более идти к Угличу и ждать Филимоновых, а сразу двинулись на север вверх по Мологе.

Затем, по данным великокняжеского летописания, они пошли по Новгородской земле к Литве⁵⁵ (из сообщения Ермолинской летописи видно, что они двигались от «Молози» по «рубежу тферскому» – по новгородско-тверской границе)⁵⁶. Новгородцы формально заключили союз с Шемякой, но реально старались соблюдать нейтралитет и московских служилых людей не преследовали. А Филимонов до Литвы не доехал. По версии великокняжеского летописания, он прибыл со своим отрядом под Углич в срок, на Петров день, и, не застав их там, ничего не зная про них, повернул назад к Москве. И лишь один Руно отделился от него и поехал «за Ряполовскими» в Литву⁵⁷.

Обычно историки принимают эту летописную версию⁵⁸. Между тем, в ней есть определенное противоречие: Филимонов о Ряполовских якобы ничего не ведал, а Руно почему-то знал, куда они поехали, и двинулся им вослед. Очевидно, у них существовала общая договоренность встретиться и поехать к Василию Ярославичу, чтобы объединиться с ним и нашедшими у него приют земляками-единомышленниками во главе с С. Ряполовским и Ф. Басенком с целью потом всем вместе пойти войной на Шемяку и вернуть Московский стол Василию Темному. Руно решил этот договор выполнить и отделился от своего отряда. Таким образом, и из летописной повести великокняжеского свода видно, что враги Шемяки изначально планировали встретиться, чтобы вместе ехать в Литву к соратникам, о которых до них дошла весть. Но Филимонов со своим войском не знал всех подробностей происшествия в устье Мологи и имел все основания полагать, что там до сих пор хозяйничают те два шемякиных отряда. В этой связи, путь в сторону Литвы вниз по Волге, а затем вверх по Мологе до Новгородских рубежей, был, по его мнению, небезопасен.

Если не уходить по Мологе на север, а двигаться на запад, вверх по Волге, то приходилось идти через Тверское княжество. А тверской князь в ту пору еще не разорвал союза с Шемякой, которому зимой помогал свергнуть Василия Темного.

Один Руно еще мог незаметно миновать заставы. Целому отряду было не скрыться. Поэтому Филимонову со своими людьми и было разумнее вернуться «к Москве» и там как-нибудь при необходимости оправдаться. Освободить Василия Темного он тем более не мог. Тот, вопреки первоначальному замыслу, так и остался вместе со своей семьей сидеть в Угличе, где у него 13 августа родится сын, Андрей Большой.

Тем не менее, отъезд многих московских служилых людей вынудил Шемяку через какое-то время пойти на уступки общественному мнению (или просто самому заблаговременно озаботиться тем, чтобы предотвратить возможность других подобных многолюдных исходов), потому что даже среди тех служилых людей, которые были к нему лояльны, могло быть немало и таких, которые не настолько ненавидели Василия, чтобы желать ему и его семье вечно пребывать в заточении. Для этого он замирился с Василием и даже выделил ему княжение в Вологде⁵⁹. Тот тоже для вида просил у Шемяки прощения, целовал на том крест, хотя в самом скором времени, оказавшись на воле в удаленной Вологде, все клятвы нарушил, самовольно уехал через Белоозеро в Тверь и вступил в союз против него с Великим Тверским князем. Борис Александрович, еще недавно поддерживавший Шемяку, теперь охотно объединился против него с Василием Темным и обещал отдать свою дочь Марию за старшего сына Василия, Ивана (которому тогда не было и 7 лет). По предположению А. А. Зимина, Василий Темный смог переманить на свою сторону Бориса Тверского тем, что пообещал ему Ржеву⁶⁰. Но ближе всего к истине новейший новгородский журналист Г. Рявкин. В своей новой книге о Новгороде, написанной в форме публицистического исследования, но не лишенной интересных исторических наблюдений, он обратил внимание на то, что Шемяка сам обидел Бориса, вероломно отняв у него возможность овладеть Бежецким верхом⁶¹. Это, скорее всего, и было главной причиной того, что тверской князь с ним порвал и решил поддержать Василия в борьбе за Московский стол.

Таким образом, бегство Басенка из заточения в Литву повлияло не только на мятеж многих оставшихся в Московской земле служилых людей, но и на освобождение Василия Темного. Ведь Шемяка вынужден был отпустить Василия в Вологду именно после того, как Рязполовские и их единомышленники отъехали от него в Литовскую землю к своим соратникам.

А Руно и Рязполовские со своим отрядом прибыли к Василию Ярославичу в Мстиславль, прося князя выступить на Русь в поддержку Василия Темного. Василий Ярославич дал им приют в том городе и скоро собирался идти на Москву восстанавливать на столе Василия. Он уже обговорил срок, когда всем встретиться в Пацыно — ему с Басенком и его коломенскими товарищами и Семеном Оболенским предстояло выехать из Брянска, а Рязполовским и Руно надо было подоспеть из Мстиславля. Но не успели они отбыть, как в оба города прибыли гонцы с известием, что Василий освобожден из плена и получил княжение в Вологде.

Когда оба отряда встретились в Пацыне, туда пришла уже весть о том, что Василий уже ушел в Тверь и вступил в союз с тверичами. Вдобавок, у Ельни к ним примкнули вышеупомянутые преданные Василию Темному татарские отряды, базировавшиеся у русско-литовских границ. Между тем, Шемяка скопил войска под Волоколамском — крепостью, лежавшей у северных рубежей Московского княжества, надо думать, чтобы не дать Василию со стороны Твери неожиданно подступить к Москве. И хотя сам Волоколамск находился в стороне от прямого пути из Твери в Москву, о движении по нему большого войска они бы успели вовремя получить весть. А. А. Зимин полагает, что они хотели помешать Василию соединиться в Твери с его сторонниками⁶², идущими из Литвы. Но они не могли знать, с какой стороны те пойдут на Тверь. Оставался окольный, но разумный и безопасный путь по новгородским рубежам, тот самый, по которому летом отъезжали в Литву Рязполовские. Скорее всего, он хотел просто контролировать

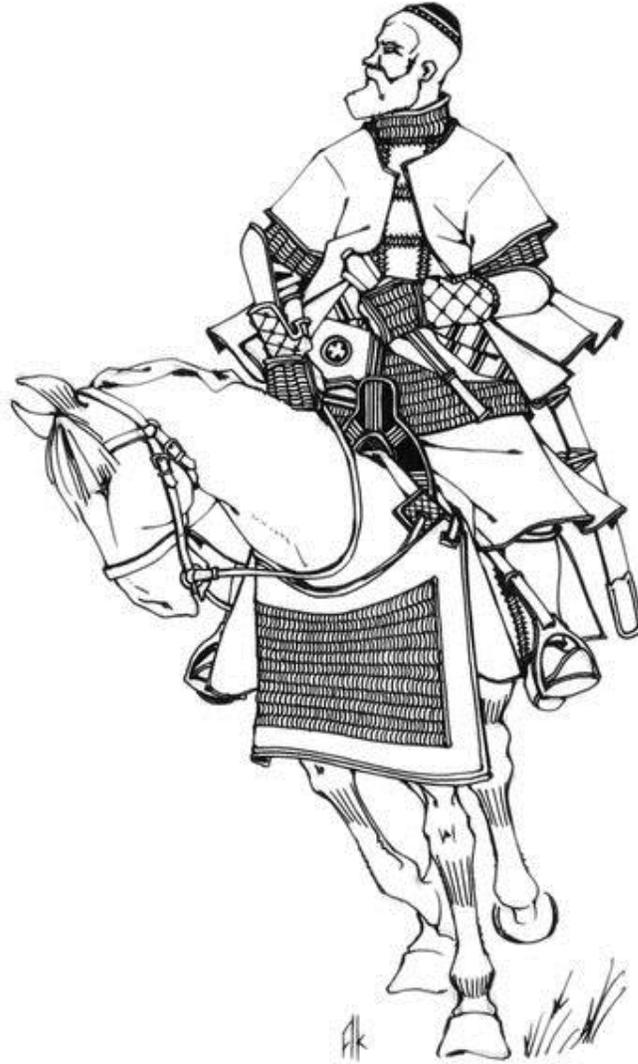
путь из Твери на Москву, но, за неимением на нем надежных крепостей, сел именно в Волоколамске.

Тем не менее, Василий сумел перехитрить Шемяку и втайне от него послать из Твери отряд к Никольским воротам Москвы. В ночь на Рождество, 25 декабря, люди Василия Темного неожиданно для Шемяки прошли в Москву, захватили шемякиных пособников и привели москвичей к крестоцелованию на верность Василию Темному. После этого сам Василий двинул войска из Твери на Волоколамск, где базировались силы Шемяки⁶³. Тот, услышав, что Москва взята, и против него от Твери идет великокняжеская рать, а со стороны Литвы надвигаются сторонники Василия Темного — русские и татары, спешно отступил к Галичу. Василий Темный направился в сторону бывшего шемякиного города Углича, где недавно сидел в заточении, и захватил его, присоединив к Московскому княжеству. Под этим городом с ним соединились его сторонники, прибывшие из Литвы⁶⁴, включая Ф. В. Басенка. В феврале 1447 г. Василий II вновь сел на московском княжении.

Кто знает, как бы сложилась далее судьба Василия Темного, если бы Басенок в свое время не бежал из плена в Литву. Скорее всего, он бы так и остался пленником в шемякином Угличе. Таким образом, Басенок сыграл видную роль в восстановлении Василия II в Москве и, вероятно, во всей дальнейшей истории России — на великом княжении утвердились потомки Василия, а не Шемяки. Уже упомянутому старшему сыну Василия — Ивану — предстоит собрать русские земли в единое государство с сильной служилой системой и избавить страну от ордынского ига. А смог бы этого добиться кто-нибудь из потомков Дмитрия Юрьевича Шемяки?⁶⁵

Однако Шемяка не смирился со своим положением. Даже если он уже всерьез не рассчитывал вновь захватить Москву, то, во всяком случае, стремился стать не

менее сильным и влиятельным правителем на Руси, чем Василий II. Уже весной 1449 г. он разорвал крестоцеловальные грамоты с Москвой и собирался захватить московский город Кострому. И, согласно независимому известию Ермолинской летописи, с ним шел и его старый союзник Иван Можайский⁶⁶. По версии великокняжеского летописания, на велик день – Пасху, 13 апреля, он подошел к самому городу и много бился под ним, но в скором времени встретил московскую «заставу», которой руководили князь Иван Васильевич Стрига Оболенский и Федор Басенок, и вынужден был остановиться⁶⁷. Застава эта, надо полагать, охраняла границу близ Костромы между Великим княжеством Московским и Галицким княжеством Дмитрия Шемяки и спустя некоторое время подоспела под Кострому, где смогла остановить Шемякино войско. Басенок со Стригой, таким образом, играли важную роль, в дни шаткого мира они обороняли московский рубеж с Шемякиным княжеством. И блестяще оправдали оказанное им доверие — смогли остановить амбициозного князя под самым городом. Поскольку Басенок назван в источнике вторым, то первым воеводой был Стрига Оболенский. Но, тем не менее, это первый известный случай, когда князь его поставил во главе военного отряда. Едва ли, конечно, оба московских воеводы располагали большими силами, чем Шемяка и Иван Можайский, собравшие по летописным оценкам «многую силу»⁶⁸. Но хорошо организованной «заставы» было достаточно, чтобы разочаровать Шемяку в его главном намерении — внезапно и без хлопот захватить важный московский город. Это, безусловно, требовало от Басенка и Стриги определенного самообладания — как будет видно далее, Шемяка, будучи человеком хитрым, обладал при этом относительно неустойчивой психикой, а под конец жизни на почве своих поражений и вовсе, по-видимому, повредился рассудком, и стал совершать опасные и совершенно бессмысленные поступки. Но в тот раз Шемяка и его союзник не стали брать Кострому сразу, а задумали решить дело в бою с основными великокняжескими силами.

Московский воевода сер. XV в.

Рис. Красникова А.В., 2015 г.

В это время, услышав о вторжении Шемяки и Ивана Можайского в Московские земли, из Москвы навстречу вышел сам Василий Темный «со многой силой» и епископами⁶⁹, которые должны были сурово осудить Шемяку с христианской точки зрения за разрыв крестоцеловальных грамот. Войска встретились на Волге, оказавшись друг напротив друга на разных берегах Волги близ села Рудино (там остановился Василий Темный). Ныне это село Руденки на Рудиной горе в 10 км от исторического центра Ярославля, у самых его современных окраин. Шемяка с

Иваном переправились к нему с правого берега реки и «на поле» у села вступили в переговоры. Но, как уже отмечалось в историографии⁷⁰, согласно Ермолинской летописи, битвы удалось избежать — Василий Темный сумел переманить Ивана Можайского на свою сторону, дав ему Бежецкий верх, после чего Шемяка вынужден был «взять перемирие» и пойти к Галичу⁷¹.

Следующее упоминание о Басенке датируется 1452 г., когда он возглавлял рать в походе на Устюг против Шемяки, который собирался захватить этот город, чтобы укрепиться в тянувших к Москве землях русского севера. По некоторым поздним сведениям, содержащимся в поздних летописях, Устюжской и Коми-Вымской, Шемяка там находился еще с 1450 г.⁷². Исследователи относятся к ним с доверием⁷³, однако, стоит заметить, что в этих поздних сводах вообще нарушена хронология. Как отметил Л. В. Черепнин, поход великокняжеских войск на Кокшенгу 1452 г. в них относится к 1453 г.⁷⁴ Правда, историк не придавал значения этому расхождению, отметив оба варианта датировок этого похода как равноправные. Но следует заметить, что в более ранних памятниках, Ермолинской и СІ летописях, не зависящих от великокняжеского летописания, он, как и в великокняжеском летописании, отнесен к 1452 г.⁷⁵, поэтому поздние севернорусские летописцы, скорее всего, просто допустили хронологическую ошибку. Это, вопреки сложившемуся в историографии мнению, заставляет весьма осторожно отнестись и к их сообщениям о походе Шемяки на Устюг и Вологду в 1450 г. Тем более, что, согласно близким по времени к этим событиям источникам, поход на Вологду в тот год так и не состоялся, хотя и планировался⁷⁶.

После весенних переговоров в Рудино Василий, видимо, понял, что прочного мира с Шемякой не будет – тот всегда при возможности будет пытаться взять реванш и бороться с ним любой ценой, если не за великокняжеский московский стол, то за то, чтобы стать не менее сильным и влиятельным князем, поэтому уже в начале следующего 1450 г. он отправился войной на Шемяку. Согласно

великокняжескому своду 1472 г., поначалу до Василия Темного дошла весть, что Дмитрий Шемяка пошел на Вологду⁷⁷, подчинявшуюся московскому княжеству (хотя на самом деле, по новгородским данным, он в это время был в Новгородской земле на р. Вишере, протекавшей к востоку от Новгорода; узнав о том, что Василий Темный послал на город Галич «изгонный» отряд под командованием своего шурина, князя Василия Ярославича, он поехал договариваться с новгородцами об убежище для своей семьи, но сам в Новгород не пошел, а поворотил на юго-восток, назад на Галич)⁷⁸. Другое дело, что поход на Вологду планировался — в послании митрополита Ионы 1552 г. говорится, что он организовал вятчан в поход на этот город⁷⁹. Интересно и известие поздней ВВЛ, что в том году Шемяка отослал вятчан по домам⁸⁰. Очевидно, на самом деле речь шла об отмене похода на Вологду, но поздний летописец не знал об этом и стал рассказывать про легендарный военный рейд на север. Василий уже шел вверх по Обноре, как вдруг ему пришло известие, что Дмитрий повернул на Галич. Тогда Василий с войсками пошел к главному Шемякину городу — Галичу, и взял его. Шемяка потерял земли, вынужден был бежать за сотни верст и искать убежище в Новгороде, где была его семья. В Новгород он, согласно тамошнему летописанию, прибыл 2 апреля⁸¹. Неизвестно, участвовал ли в этом походе Басенок. По сведениям московского великокняжеского летописания, большой воевода был В. И Оболенский, а с ним было много иных воевод более мелкого ранга⁸².

Но и лишившись собственного княжения, Шемяка не смирился со своим поражением и стремился хоть как-то улучшить свое положение, закрепившись на Русском Севере. И уже оттуда в 1452 г. его будет выгонять московский отряд с участием Басенка.

В марте 1451 г. Дмитрий Шемяка, согласно новгородскому летописанию, уехал из Новгорода на «Заволочье»⁸³. А далее, по московской великокняжеской летописи, зимой 1451/52 г. попытался занять тянувший к Москве Устюг, о чем Василий

Темный узнал в Москве на Рождество (25 декабря 1451 г)⁸⁴. Интересно в этой связи известие поздней Устюжской летописи о том, что Шемяка выехал из Новгорода на Двину, а потом повернул назад к Устюгу, прибыл к нему в «насадех» 29 июня 1450 г. и в те дни его захватил⁸⁵. На самом деле поздний сводчик, видимо, перепутал год (назвал 1450 вместо 1451), но сама дата — 29 июня, правдоподобна, ведь он, согласно тому же источнику, прежде заехал на Двину⁸⁶, где, надо думать, подбивал на участие в своем предприятии двинян и кокшан — жителей прилегающих к Устюгу новгородских владений, которых москвичи в 1452 г. сурово накажут за пособничество Шемяке. Другое дело, что попытку захвата Устюга следует относить не к лету, а к зиме — если бы Шемяка занял такой крупный и значимый северный город как Устюг, великокняжеская летопись сообщала бы об этом, как в свое время рассказала о планах Шемяки захватить Вологду. Видимо, 29 июня 1451 г. Шемяка приплыл к Устюгу и лишь попытался склонить устюжан сдать город. И, как видно, те не признали его власти. Какая-то часть местных «добрых» - знатных людей, вероятно, в самом деле готова была целовать ему крест⁸⁷, об этом сообщает и ВВЛ, уверяя, что москвичи потом прибыли наказать устюжан за то, что к нему «норовили»⁸⁸. Но какая-то часть «добрых людей» его, согласно Устюжской летописи, не приняла, за что и была казнена⁸⁹. И хотя названные в Устюжской летописи имена казненных Шемякой устюжских бояр на самом деле соответствуют не им, а пермским сотникам⁹⁰, в той же ВВЛ есть интересная информация о том, что устюжане Шемяке не подчинились и, собственно говоря, призвали против него жителей соседних земель, относящихся к Пермской епархии, во главе с этими самыми сотниками⁹¹. Несмотря на то, что Шемяка фактически обезглавил пермскую рать, убив их сотских, Устюга он тогда, как видно, решил сразу не брать, а пошел с вятчанами, что напали на пермские земли, пограбили области на Сысоле, Выми и Вычегде, попытались без успеха захватить «владычный» городок в устье Выми, где заседал епископ Петрим, и привлечь на свою сторону некоторых местных «вогуличей», но тоже без положительных результатов.

Пермская епархия была создана сравнительно недавно на обширной территории среди относительно дикого, нерусского разноплеменного населения севера. И хотя оно до поры до времени терпело присылаемого из Москвы архиерея, власть московского князя там была еще слаба, и предшественник Питирима – епископ Герасим был безнаказанно убит местным «вогулом», поэтому Шемяка мог надеяться, что какая-то часть «вогуличей» вольется в его ряды. После этого вятчане поплыли назад в Вятку. Про поход Шемяки на Пермский край вместе с вятчанами говорится и в вышеупомянутом послании Ионы 1452 г.⁹² Поэтому есть основания верить ВВЛ и московскому великокняжескому летописанию, что Шемяка тогда так и не взял Устюга, а для начала пошел на Пермский край наказывать союзников устюжан и попытаться там самому собрать ополчение из местных жителей. Видимо, на это ушли остаток лета и осень 1451 г.⁹³ Лишь к концу осени - началу зимы Шемяка, нанеся жителям Пермской земли сильный урон, двинулся на Устюг войной, не опасаясь более вмешательства «вогуличей». Узнав на Рождество о действиях Шемяки, князь стал быстро готовиться к военному походу против него. В ближайшие дни он выслал из Москвы к Устюгу войско под командованием Боровского князя Василия Ярославича, а также московских воевод - Семена Оболенского и Федора Басенка. А сам великий после этого собрал другую рать для грабительского похода на лежавшую к западу и северо-западу от Устюга реку Кокшенгу и уже на Васильев день, 1 января, выступил с нею из Москвы⁹⁴. Из этого следует, что первый отряд с участием Басенка выступил из города в самых последних числах декабря 1451 г.

На Крещение, 6 января, князь был в Троице-Сергиевском монастыре (видимо, специально остался там на этот день помолиться — иначе придется допустить, что они двигались лишь по 12 км в день – М. Н.), а оттуда пошел к Ярославлю, из которого направил отряд во главе со своим 12-летним старшим сыном Иваном к Кокшенге. Затем пошел с оставшимся войском вниз по Волге и в другом волжском

городе, Костроме, отправил на соединение с сыном татарский отряд царевича Ягупа, а сам далее не пошел.

Поход на Кокшенгу тоже имел важное значение. Речь, кстати говоря, шла не просто о грабеже южной границы соседней с Устюгом Двинской земли за союз ее жителей с Шемякой. По мнению Ю. Г. Алексеева, в задачу Ивана и Ягупа входило, прежде всего, перекрыть Шемяке путь к отступлению из-под Устюга на север⁹⁵. Однако и этим они потом заниматься не стали, сосредоточившись исключительно на грабеже Кокшенги. Из Двинской земли по приказу Ивана, вытеснял Шемяку тот же отряд с участием Басенка. Но река Кокшенга течет недалеко от Устюга к западу и северо-западу, и если бы отряд Басенка под этим городом испытал сильные тяготы в борьбе с шемякиным войском, то с запада и северо-запада к нему на помощь в течение нескольких дней могла бы примчаться могучая подмога.

Да и само местонахождение совсем рядом, на Кокшенге, второй сильной рати должно было подействовать на Шемяку устрашающе. Может быть, поэтому отряд Василия Ярославича, Басенка и Оболенского так и не вступил в бой с Шемякой. Тот, уже стоявший в это время под городом, спешно отступил, подпалив перед уходом посад⁹⁶. Таким образом, согласно великокняжеской летописи, города Шемяка так и не взял и спешно бежал без боя, не желая столкнуться с московским войском. Правда, он не сразу убежал в Новгород, а, согласно Устюжской летописи, попытался закрепиться на Двине и проскочил далеко на север⁹⁷. Поэтому Иван послал туда «воевод» от Устюга, а сам со своими силами остался грабить Кокшенгу. Воеводы — Басенок, С. И. Оболенский и Василий Ярославич, по этому же источнику, не стояли под Устюгом «ни единого дня», а вновь двинулись за Шемякой и пошли до устья Ваги, а, узнав, что Шемяка ретировался оттуда в сторону Новгорода, возвратились на юг к Кокшенге, к отряду Ивана⁹⁸.

Великокняжеская летопись уточняет, что Басенок с товарищами собрал много «полону» и добычи - «корысти», и дошел на север не только до Ваги, но и до Осина поля, а Иван (уже объединившийся с Ягупом) пограбил на Кокшенге «городки»⁹⁹. 4 июля Иван был уже в средней полосе России — в тот день он, в возрасте 12 с половиной лет отроду, по старому уговору, заключенному их отцами еще в 1446 г., женился на тамошней 10-летней княжне Марии Борисовне (хотя настоящая супружеская жизнь у них, вероятно, начнется позже — первенец Иван Молодой родится у них лишь через 6 лет, в 1458 г., когда оба они достигнут обычного в те времена брачного возраста). Впрочем, надо заметить, Шемяка в Новгород вернулся не сразу, согласно новгородскому летописанию, лишь «Той зимы (1452-53 гг.) приеха в Великий Новгородъ князь великий Дмитрий Юрьевич из Заволочья и ста на Городище»¹⁰⁰. Кроме того, Тверская летопись упоминает, что перед этим, 10 сентября 1452 г., он «изгоном» напал на тверской город Кашин, но не смог взять его, хотя и поджег посад¹⁰¹. Но это было скорее проявление бессильной злобы уже совершенно уничтоженного политика или проявлением психического расстройства на почве понесенных поражений. Ведь даже если бы он взял Кашин, у него бы заведомо не хватило сил в нем удержаться, выдержав натиск сильного тверского войска, с которым бы, возможно, пришла и великокняжеская рать. А согласно новгородскому Житию Михаила Клопского, уже по возвращении в Новгород, за считанные дни до своей смерти, в конце мая – начале июня 1453 г., «в пяток на Троициной недели» он высказал совершенно безумное желание захватить Ржеву¹⁰², которая в то время принадлежала Твери и вдобавок находилась достаточно близко от великокняжеской Москвы. Никакой реальной опасности ни для Василия Темного, ни для его союзников, он не представлял. А вот у новгородских властей он, по идее, должен был вызывать гораздо более сильные опасения. Возможно, недаром Ермолинская летопись XV в. приводит «людскую молву» об участии в убийстве Шемяки новгородского посадника Исаака Борецкого¹⁰³. По верному замечанию А. А. Зимина, «Князь в ореоле побед мог еще

представлять интерес для Новгорода, но князь, терпящий поражение за поражением, только вызывал досаду и раздражение, а заодно и желание поскорее избавиться от него»¹⁰⁴.

Однако в значительно большей степени Шемяка должен был внушать новгородцам чувство опасения. Ведь им и без того грозило держать ответ перед Василием II за то, что они давали его врагу приют — 12 лет назад в 1441 г. этот же московский князь при поддержке тверичей и псковичей уже пограбил их земли и сильно оштрафовал их за нелояльность и своеволие. А теперь мало того, что незадачливый Шемяка потерпел окончательное поражение на севере в борьбе за тамошние московские владения, так еще обезумел и захотел пойти в очередной бессмысленный поход на Тверские земли. А это могло обернуться новым московско-тверским походом на Новгород, дававший убежище Шемяке и его семье. Не потому ли смерть Дмитрия Юрьевича Шемяки последовала примерно через полмесяца после высказанного им сумасбродного желания пойти походом на Ржеву (известного лишь по одному из новгородских источников) как раз примерно в конце мая - первых числах июня, а за 12-14 дней до смерти он был отравлен. По сообщению новгородского летописания, 17 июня 1453 г. он скончался на Новгородском городище и похоронен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря¹⁰⁵. В XX веке в его останках в ходе специальной экспертизы был обнаружен мышьяк, который послужил причиной смерти, приведя к полному обезвоживанию организма, в результате чего тело покойного князя оказалось мумифицировано¹⁰⁶. Сын Шемяки, Иван, в том же году уехал из Новгорода.

В некоторых летописных сводах времен Ивана III также имеются сведения об отравлении Шемяки — две несколько разнящиеся истории его гибели с перечислением разных отравителей, действовавших по словам этих источников, по воле Василия Темного¹⁰⁷.

Ученые иногда считают эти известия заслуживающими доверия. В частности, одним из информаторов порой называют Ф. В. Басенка, близкого к составителю Ермолинской летописи¹⁰⁸, в которой тоже есть своя версия отравления Шемяки (поданная впрочем, как «людская молва»)¹⁰⁹. Тем не менее, высказывалось противоположное мнение, что в основе этих записей лежали распространявшиеся по стране «смутные слухи»¹¹⁰. Во всяком случае, несколько расходящиеся истории похожи не только на записи рассказов осведомленных людей, но и на разные городские легенды, тоже нередко имеющие в основе какие-то факты, но обрастающие разными выдуманными подробностями. Если учесть, что Шемяка, съев на обед курицу, стал испытывать характерные симптомы отравления мышьяком и, как положено при этом - умирал в течение примерно 12 дней страшной смертью, превращаясь заживо в мумию — то это было достаточным поводом для брожения по стране всяких досужих толков, равно как и случившийся перед этим отъезд из Москвы на север княжеского дьяка Бородатого и произошедшее после этого внезапное повышение подьячего Беда, скреплявшего отныне важные бумаги под титулом дьяка. Поразила современников, возможно, и радость, выказанная 23 июня прилюдно Василием Темным во время церковной службы в московской Борисоглебской церкви, где ему этот Василий Беда и сообщил весть о кончине его давнего врага. Но это, конечно, не является достаточным основанием для обвинения Василия II в гибели недруга. Для того чтобы считать эти летописные истории о его причастности достоверными, надо точно знать, что они написаны не со слов «людской молвы», а по рассказам близких к правительственным кругам людей, о чем нет данных. А Басенок пользовался доверием Василия II как воевода, но мы не знаем, насколько он был тогда вхож в такой придворный круг и посвящен в столь интимные государственные тайны.

Между тем, за два дня до смерти Шемяки, 15 июня 1453 г., в Москве скончалась мать Василия Темного, Софья Витовтовна. В приписной грамоте к духовной ее

сына Василия Темного сказано: «а что дала моя м(а)ти, великая кн(я)гини, Федору Басенку на Коломне село свое Окуловское, да Репинское, а в душевной въ своеи описала так, что в тех селех волен яз, ея с(ы)нь, ино те села, опосля Басенкова живота, моеи же княгине»¹¹¹.

На этом основании историки полагают, что Софья Витовтовна в самом деле в свое время пожаловала эти села Басенку, а перед смертью разрешила своему сыну, Василию II, ими распорядиться. Тот же завещал оставить их за Басенком до его смерти, а потом передать своей вдове, Марии Ярославне¹¹². Между тем, никто прежде не обращал внимания на противоречие этих распоряжений с духовной самой Софьи Витовтовны, где нет никакого упоминания о принадлежности этих сел Басенку: «А изъ Кол[оменскихъ сель, изъ] своихъ прикупов, даю с(ы)ну своему, великому кн(я)зю Васил(ь)ю, Колычевское село, Николцево село, Лопатиньское село, Чюхистово село. А что есмь преже сего дала два свои села, Окуловьское, да Репиньское...(лист здесь разорван, может уместиться около 4 букв —«ему», «емоу», ? – М. Н.) и те оба села мои с(ы)ну же моему, великому кн(я)зю Ва[силь]ю, и в том волень онь, за собою ли их держит, кого ли ими самъ пожалует»¹¹³. Как мы видим, здесь эти села, вопреки приписной к духовной ее сына, вообще никак с Басенком не связаны. Эти два села, которые княгиня дает сыну не просто в распоряжение, а в личное владение, она прежде передавала кому-то другому, но не Басенку — в тексте в этом месте пропущено не более четырех букв. На наш взгляд, в этом месте могло быть слово «ему», «емоу», – Василию, что наилучшим образом вписывается и в контекст: «преже» дала ему, а теперь сыну «же» и завещает.

Так что, по-видимому, получил Басенок эти владения отнюдь не от Софьи Витовтовны, а уже по приписной грамоте к завещанию Василия Темного, в которую вкралась ошибка. Причину этого противоречия и Василий Темный, и Басенок, и писавший грамоту дьяк Василий Беда, по-видимому, навек унесли в могилу.

Со времени гибели Шемяки обычно принято считать окончание так называемой Феодалной войны. Как политик Шемяка был сокрушен еще в 1452 г., когда его с участием Басенка выгнали с Русского Севера, а окончательно уверенно Василий Темный почувствует себя в 1456 г., когда во главе с тем же Басенком пошлет в Приильменье «изгонную» рать, чтобы рассчитаться с новгородцами за то, что те принимали Шемяку, и как-то заставить их считаться с великокняжеской властью. Одной из важнейших причин, по которой Василий до этого времени не пошел на Новгород, была постоянная угроза нападений на русские рубежи татар Большой Орды, которой правил хан Сеид Ахмет.

Татарин сер. XV в.
Рис. Красникова А.В., 2015 г.

По воле этого хана татары еще с начала 1450-х гг. часто совершали набеги на Русь. Во время одного из таких набегов в 1451 г. даже чуть было не пострадала сама Москва. Они прекратились лишь после лета 1455 г., когда хан, потерпев поражение, ушел в Литву, откуда ни ему, ни его войску не суждено было вернуться.

В одном из таких сражений середины 1450-х гг. в окрестностях Коломны участвовал воевода Ф. В. Басенок, разгромивший с великокняжеским двором неприятеля. «Сеид Ахметовы» татары пересекли реку Оку около города (по ней в то время проходил южный рубеж Руси), пограбили окрестности и взяли полон из местного населения. Однако при подходе русских войск спешно отступили назад за Оку, в Дикое поле. Но и там, за пределами Русской земли, их настиг великокняжеский двор под командованием Басенка, побил и отобрал пленников.

Однако в летописях имеются некоторые неясности и разночтения. Не вполне ясна даже дата этой победы, хотя ученые обычно относят ее к 6963 (1455) г.¹¹⁴. Не так-то просто даже сказать, сколько раз в те годы татары напали на Коломенские окрестности. Источники не солидарны и в этом...

Н.М. Карамзин, очевидно, ссылаясь на Софийского-Львовскую летопись, писал о двух набегах¹¹⁵. Но современные ученые, напротив, пишут об одном набеге 1455 г.¹¹⁶.

До самого последнего времени эти события лишь бегло упоминались в общих исторических трудах в виде простых пересказов летописей. Лишь А. Н. Насонов при изучении памятников древнерусского летописания высказал серьезные замечания по частному моменту — сведениям о нерешительности коломенского воеводы И. В. Ощеры в рассказе Софийской II летописи (далее — СП) о интересующих нас набегах татар на Коломенские окрестности¹¹⁷. Затем А. А. Зимин подробно пересказал основные летописные повествования о них и, развивая идеи А. Н. Насонова, высказал мнение о природе уникальных известий СП. Но

ученый привлек не все источники и не провел комплексного исследования этих событий. Он не стал искать причины противоречия в версиях Ермолинской летописи и Московского великокняжеского летописания¹¹⁸. Борьба москвичей с татарами под Коломной была лишь частным эпизодом в изучаемой им бурной эпохе борьбы между Василием II и Дмитрием Шемякой. Лишь в недавних наших работах, посвященных этим набегам, мы, проанализировав все имеющиеся летописные свидетельства, пришли к выводу, что их было два, и Басенок успешно отразил первый из них, случившийся в 1454 г.¹¹⁹

Существуют три основные летописные версии о нападениях татар в те годы на Коломенскую округу. Согласно первой из них, представленной в великокняжеском летописании, в 6963 г. «приходили татарове Седи-Ахметевы и перевезошася Оку ниже Коломны». Против них был послан князь Иван Юрьевич Патрикеев «с многими вой» во время столкновения «одолеша христьяне татар». Кроме того, был убит князь Семен Бабиц Друцкий «не на суиме, но притчею некоею»¹²⁰. Обстоятельства смерти Друцкого летописцу были неизвестны, однако тот знал, что он пал не в бою – «не на суиме».

По второй версии, изложенной в Ермолинской летописи, поход татар тоже датируется 6963 г.: «Татарове от Сиди-Ахмстевы орды, и перелез Оку-реку, и грабили, полон и имали». Коломенский воевода И. В. Ощера с «коломничичи... не успе на них ударити». Тогда «пришед сы иные страны» Ф. В. Басенок «с великого князя двором, татар бил и полон отнял». Тогда же убит был князь Семен Бабиц Друцкий¹²¹. Таким образом, по Ермолинской летописи, татар разбил не князь Патрикеев, а воевода Басенок, которому доверили командовать великокняжеским «двором». Заметим, что это первый известный случай, когда великий князь поставил Басенка во главе войска. До этого он под Костромой и на Русском Севере был лишь одним из воевод.

А вот третья версия, представленная в СП, говорит о двух нападениях татар. Первый раз, еще в 6962 г., сын Сеид Ахмета Салтан перешел Оку, пограбил земли и отошел, а коломенский воевода И. В. Ощера «их пустил, а не смел на них удариться». Узнав об этом, Василий II отпустил «со множеством вои» своих детей, Ивана и Юрия, да и сам пошел против «окаянных». Видя их войска, татары «возвратишася вспять» за Оку, а Федор Басенок со двором великого князя «татар бил, а полон отымал». Тогда-то и убили князя Семена Бабича. Во второй раз, в 6963 г., татары снова напали и тогда-то против них послали Ивана Юрьевича, а тот разбил их со своим войском и многих перебил¹²².

Впрочем, по предположению А. А. Зимина, этот рассказ СП является поздней компиляцией двух вышеуказанных версий. Ученый сослался на мнение А. Н. Насонова, полагающего, что рассказ о нерешительности Ощеры появился позднее стояния на Угре, где этот боярин изображен в данной летописи в черном свете¹²³. Однако, как мы уже видели, такие же сведения об Ощере находятся и в Ермолинской летописи, близкой Басенку, которая, кстати, не имела отношения к обличению Ощеры во время стояния на Угре. Правда, в ней сказано более мягко, что Ощера «не поспе», но смысл вполне понятен. Как этот коломенский воевода мог «не поспеть» выйти с войском фактически за пределы города, а Василий II не только «поспе» получить весть о его нерешимости, но и прийти на помощь из Москвы за 80 км с войском в коломенские окрестности? СП тоже констатирует факт, что местный воевода Ощера пропустил вторжение татар и теперь не решился напасть на них, упустив, видимо, удобный шанс обстрелять их берега на переправе. Теперь для нападения на татар требовался весьма решительный воевода. Басенок, безусловно, подходил в качестве кандидатуры. И он прекрасно справился с этой задачей, нагнав и разгромив татар уже за пределами Русской земли и отобрав у них русский полон.

Летописная версия о двух набегах татар нам кажется наиболее логичной, ведь иначе непонятно, почему великокняжеский летописец молчит не только об Ощере, но и о верном прославленном княжеском воеводе Басенке, хотя тот возглавлял великокняжеский двор. Притом составитель великокняжеского московского свода не знал об обстоятельствах смерти Друцкого, но был точно уверен, что тот погиб не на «суйме» в бою между войском Патрикеева и татарами. Однако все встанет на свои места, если считать, что было два татарских натиска, первый отразил Басенок, а второй Патрикеев. Семен Друцкий погиб еще во время первого сражения, поэтому, когда через год Патрикеев отразил второй набег, все знали, что Друцкий погиб определенно не в последнем бою.

При этом первый набег татар 6962 г., отбитый Басенком, надо отнести к 1454 г. Добавим, что он был после поставления ростовского владыки Феодосия 29 июня, но до московского землетрясения 31 августа¹²⁴. В Ермолинской летописи он значится под 6963 (1455) г., уже в конце лета, после убийства пермского епископа Питирима¹²⁵, свершенного 19 июля. Но в великокняжеском летописании и СП этим временем датирован второй набег, отраженный князем Иваном Юрьевичем¹²⁶. Но, вероятно, не бывший участником этих войн монах-летописец просто спутал и смешал две битвы в одну, отнеся реалии первой ко времени второй. Второе сражение в Москве, видимо, считали более значимым — как было сказано выше, в великокняжеском летописании к нему по ошибке приписана гибель Друцкого князя, павшего еще за год до этого в первой битве. Притом летописец знал, что князь погиб не в самом «суйме» 1455 г., но когда и как, не помнил, ведь прошлогодний набег, отбитый Басенком, уже не имел такого значения и был заслонен новой войной 1455 г. Любопытен и рассказ краткого Кирилло-Белозерского свода Гурия Тушина, в котором обе победы над татарами Басенка и Патрикеева сведены в одно сражение 1455 г.¹²⁷ Тушин, кстати, происходил из Северо-Восточной Руси и явно перенял московские представления об

исключительной значимости второй битвы 1455 г., к коей по ошибке причислял даже прошлую победу Басенка. Другое дело, что для Басенка был важнее первый набег татар, который он отразил. Поэтому в близкой к нему Ермолинской летописи указаны реалии именно этой кампании, хотя и отнесены они ко времени следующего, более знаменитого набега татар. Это подкрепляет сказанное выше, что часть известий Ермолинской летописи отражают личные впечатления воеводы.

Любопытно, что Басенок, согласно этому источнику, во время набега татар прибыл из «иных стран» — неясно, сам ли он вернулся, или был вызван для командования двором великого князя. Данный оборот необязательно означал иные государства — страной в средневековой Руси также называли край, регион. Описывая голод, вспыхнувший в Суздале и его округе в XI в., Повесть Временных Лет называет край страной. Даже если под этим понимать Ростовскую землю¹²⁸, простиравшуюся в то время от Оки до Белоозера, то это все равно была лишь часть огромного Древнерусского государства. В данном случае Басенок, скорее всего, прибыл из Можайска - в то лето Василий II отправил туда войска и присоединил Можайск к Московскому княжеству, посадив в нем московских «наместников» . А прежний Можайский князь Иван Андреевич сбежал в Литву (в отличие от Великого Новгорода, Можайск находится вблизи Москвы и Дикого поля, туда можно было в то время спокойно отправлять крупные силы, чтобы посчитаться с тамошним своенравным князем). При этом, по СП, это произошло перед нападением татар во главе с Салтаном, сыном Сеид Ахмета, но после поставления на Ростовскую кафедру Феодосия¹²⁹, бывшего 29 июня. По официальной версии самого Василия Темного, Ивану Можайскому из конкретных провинностей вменялось прежде всего то, что он в свое время не прислал войска на помощь в Москве в борьбе с татарами Сеид-Ахмета¹³⁰ (то есть, еще в 1451 г.). Но по прошествии трех лет это скорее напоминало формальный повод покончить со старым соперником, на мир с которым нельзя было уверенно полагаться, ведь этот князь не раз менял союзников,

предавая старых — то выражал лояльность Василию Темному, то помогал его недругам — в зависимости от личной выгоды. Выгнав Шемяку с севера и увидев, что после 1451 г. татары Большой Орды на время прекратили свои набеги на Русскую землю, Василий, видимо, и решился свести счеты с Иваном, а Можайск присоединить к своему княжеству. Другое дело, что в первые же недели после завоевания этого города татары опять вторглись в Русские пределы. Не из можайских ли «стран» возвратился в Москву Басенок, чтобы оттуда ехать к Коломне воевать с интервентами из Большой Орды? Во всяком случае, набег татар в 1454 г., видимо, был в пределах июля - августа. Можайск был завоеван после 29 июня, а москвичи с князем успели оттуда вернуться в Москву и уже из нее пошли к Коломне¹³¹.

Таким образом, татары Большой орды совершили два набега на окрестности Коломны с разницей в год, в июле – августе 1454 г. и в июле – августе 1455 г. Федор Басенок отразил первый из них, а князь Иван Патрикеев – второй. В 1454 г. татары во главе с сыном хана Большой Орды Сеид Ахмета – Салтаном, переправились через Оку и начали грабить коломенскую округу и брать людей в плен. Ощера, командовавший местным служилым войском, охранявшим рубеж с Диким полем, проглядел вторжение неприятеля на Русскую землю и не решился вступить с ним в бой. Узнав об этом, Василий II с сыновьями сам двинул войска к Коломне. Во главе своего «двора» он поставил Басенка. При виде московской рати, враги побежали назад за Оку. Но Басенок с великокняжеским двором погнался за ними и уже в Диком поле нанес им урон и отнял русский полон. Через год, в конце лета 1455 г., татары Большой Орды вновь перешли через Оку и пограбили Коломенские окрестности, но уже были разбиты князем Патрикеевым. Во второй раз татар вел, вероятно, сам хан Сеид-Ахмет. В том же году, уже, надо полагать, после своего поражения под Коломной, он двинул войска в Литву. Относить это, вслед за А. А. Зиминим¹³², к более раннему времени, чем неудачный набег на Русь,

не следует – известно, что из литовского похода ни хан, ни его татары не возвратились.

Теперь у великого князя появилась возможность посчитаться с Новгородом за то, что тот принимал его врагов – Шемяку и его семью. На болотистую Новгородскую землю обычно ходили войной в зимний сезон. И уже 19 января 1456 г. князь выступил в поход. Летописи, правда, прямо не говорят о причинах размирия. Но в заключенном в том году Яжелбицком мире содержится требование не укрывать отныне у себя недругов Великого князя, а также ряд пунктов, укрепляющих влияние великого князя на управление Новгородской землей. Великокняжеское летописание, в свою очередь, тоже содержит весьма четкую и емкую характеристику московских условий: «быть им у него в послушании, а лиходеев и изменников у себя не держать»¹³³.

Василию уже приходилось за 15 лет до этого, в начале 1441 г. ходить поход на Новгород. В тот раз он вместе с Борисом Тверским захватил Демянск, а союзные ему псковичи разграбили границы новгородских владений на 300 верст вдоль и на 50 по ширине. Новгородцы, в свою очередь, послали рать грабить тянувшие к Москве земли Русского Севера, но Великий Устюг так и не захватили, постояв под ним день. Новгородцам пришлось посылать делегацию под Демянск заключить с Василием мир и обязаться заплатить контрибуцию в 8000 р. (при этом выплачивали в рассрочку, а остаток смогли доплатить не ранее второй половины 1450-х гг.). Поводом к войне стали, надо думать, неугодные Василию II торговые договоры с новым литовским князем Казимиром Ягеллоном, которые заключили Новгород и Псков в самом конце 1440 г.¹³⁴ Но если со Псковом Василий рассчитывать не стал и даже призвал его помогать воевать против Новгорода, то новгородцам он, очевидно, решил припомнить их прежнее своеволие. В 1430-х гг., они давали убежище его недругу Василию Косому (не оказав ему, впрочем, военной помощи), а, кроме того, крайне непочтительно обошлись с ним самим, когда он, потерпев

сокрушительное поражение от того князя, прибежал с остатками войска в Новгород искать убежище и стал, как обычно, на загородной княжеской резиденции на Городище. Новгородцы, видя князя беззащитным, стали его своеобразно шантажировать с целью получить от него спорные земли. Они изобразили, что готовы напасть на него — вышли всем городом вооруженные на поле перед Городищем к ручью Желотугу. Василий вынужден был обещать дать им эти территории, но, впрочем, когда вскорости победил своего соперника Василия Косого и на время прочно укрепился на Московском столе, то уклонился от выполнения своих обещаний, цинично заставив новгородских делегатов попусту прождать в условленных местах. А потом в Новгороде было обретение мощей архиепископа Иоанна, которому с гордостью вменяли заслуги в чудесной победе над великокняжескими войсками в XII в., что носило откровенно антимосковский смысл. Договор с Литвой конца 1440 г. стал последней каплей. Поэтому в начале 1441 г. Василий и пошел в поход на Новгородскую землю, чтобы проучить новгородцев за их своеволие и заставить считаться с ним. Но, как выяснилось в дальнейшем, Новгород так и остался таким же гордым и своенравным, давая убежище Дмитрию Шемяке и его семье. Поэтому теперь, когда князь прочно утвердился на московском княжении и не имел на Руси серьезных соперников, он решил пойти еще раз войной на Новгородскую волость. В его войске шел знаменитый воевода Федор Басенок. В понедельник, 19 января, войска вышли из Москвы и направились в сторону Волоколамска. Туда, по сведениям московского сводчика, к Василию Темному прибыл новгородский посадник Василий Степанович и пытался склонить великого князя к перемирию, однако, тот отказал ему¹³⁵. Этому известию можно верить — как будет видно дальше, местное летописание тоже косвенно сообщает о наличии в Новгороде двух противоборствующих группировок, одна из которых изначально не хотела воевать. Как видно, уже в то время часть новгородцев не желала связываться с профессиональной, хорошо организованной и обученной московской служилой

конницей и стремилась разрешить конфликт миром, при помощи уговоров или щедрого откупа. Но Василий II решил серьезно проучить этот город. От Волоколамска князь двинулся с основными силами брать южные приграничные новгородские крепости Стерж, Молвотицы и Демянск, а на Русу послал изгонную рать под командованием Ф. В. Басенка. По данным великокняжеского летописания и близкой к Басенку Ермолинской летописи, вторым воеводой был И. В. Стрига Оболенский¹³⁶, а, по словам Новгородского летописания, им был С. Карамышев¹³⁷. Но роль обоих воевод была второстепенной по сравнению с Басенком, который, в отличие от них, упомянут во всех источниках. Кроме того, по данным новгородского летописания, с ними шел отряд казанских татар с тамошним ханом Махмудом («Мамутяком»)¹³⁸. В 1445 г. Мамутяк, еще не приняв ханский титул, по приказу отца, тогдашнего казанского хана Улу-Мухаммеда, вторгся в Московское княжество. И даже взял в плен в бою под Суздаlem самого князя Василия. Но вскоре стал сам ханом и в период своего правления поддерживал с Москвой сравнительно мирные отношения. Поэтому его в качестве союзника Василий Темный и пригласил в военный поход. Всего в изгонной рати было, по новгородским данным, около 5 тысяч человек¹³⁹ – цифра, на наш взгляд, правдоподобная¹⁴⁰ (это, кстати, примерно напоминало и численность отряда великокняжеских воевод Холмского и Хромого накануне Шелонской битвы 1471 г., в задачу которого входило нанести основной удар врагу в Приильменье)¹⁴¹. В понедельник на Масленой неделе, 2 февраля, они захватили Русу и основательно ее пограбили, а не успевших выбежать жителей взяли в плен. В тот же день новгородцы каким-то образом узнали о движении противника к этому городу и подготовили два отряда во главе со служилыми князьями Гребенкой Шуйским и Александром Чарторыйским, зятем Шемяки. Оба отряда включали в себя дворян князя и новгородских ополченцев разного социального статуса от бояр до «молодых людей». Как мы отмечали, оба отряда, согласно прямым данным московского и косвенным данным новгородского летописания, вопреки обычной

новгородской практике, были поголовно конными, чтобы как можно скорее поспеть к захваченной Русе. Согласно новгородскому летописанию, отряд Шуйского выступил из города первым, уже после обеда и уже к вечеру проскакав ок. 60 км, большей частью по льду озера Ильмень, он заночевал на противоположном берегу озера во Взваде, куда должен был поспеть и второй отряд, который, таким образом, тоже был полностью на конях. В отряде Гребенки Шуйского, участвовавшем в бою под Русой, было сравнительно небольшое количество новгородских ополченцев, но именно в нем шли главные должностные лица вечевой республики¹⁴². По московским оценкам, в нем было 5000 воинов, что, на наш взгляд, правдоподобно¹⁴³.

С утра 3 февраля, согласно новгородской летописи, не став дожидаться Чарторыйского¹⁴⁴, Гребенка Шуйский двинулся к Русе и в пределах утренних часов вместе со своим конным отрядом покрыл более 20 км от Взвада до церкви Ильи Пророка, стоявшей на северном въезде в город.

А Чарторыйский, вероятно, взял с собой более мирно настроенных новгородцев, не хотевших войны — еще когда они огибали плохо замерзающий зимой исток Волхова через Липно, он остановил отряд на ночь под предлогом надвигавшихся ранних зимних сумерек и так и остался там. Ведь, согласно тому же источнику, там же, на Липно, он потом получил известие о поражении под Русой своих сограждан из отряда Гребенки Шуйского¹⁴⁵.

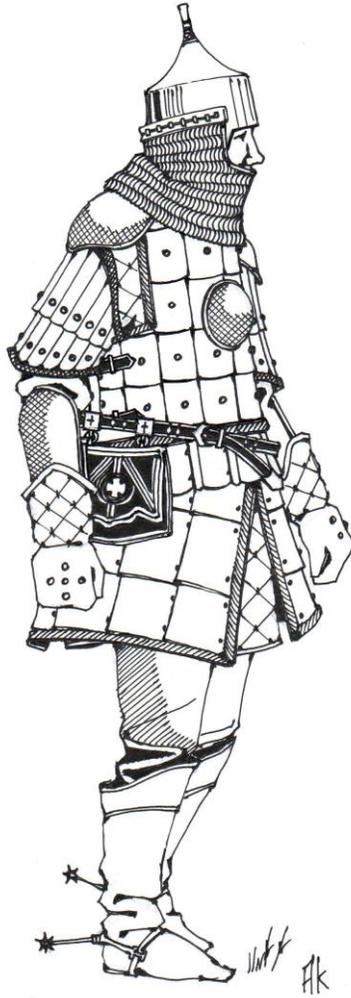
Между тем, великокняжеские воеводы во главе с Басенком отпустили основную часть войска в Демянск к великому князю с награбленной добычей, а сами с малыми силами задержались, чтобы пограбить еще. По оценкам великокняжеского летописца, там было всего менее 200¹⁴⁶ детей боярских, не считая, правда, боевых холопов и татар, в московском источнике не сосчитанных. На наш взгляд, эту цифру стоит считать несколько заниженной — как будет видно ниже, им предстоит

разделиться на два боевых отряда, один из которых примет первый бой и заманит противника в непроезжий тупик, а другой окружит и, обстреляв с двух сторон коней, нанесет врагу окончательное поражение. Но все равно оставшиеся в городе московско-татарские силы в разы уступали по численности своим отъехавшим к князю товарищам и тем более новгородскому пятитысячному ополчению. Интересно, что в сообщении близкой к Басенку Ермолинской летописи подчеркнута многочисленность новгородцев (что особенно интересно поскольку летописец, очевидно, записал личные впечатления Басенка - как он, «удалой воевода», разбил новгородских «смердов», хотя обычно этот источник по отношению к новгородцам никогда таких слов не употреблял, в том числе и по отношению к литовской партии 1471 г. Кроме того, видимо, по воспоминаниям Басенка, в летопись вставлена уникальная информация о том, что в числе воевод были и «братья» И. В. Стриги Оболенского – М. Н.)¹⁴⁷.

Когда утром 3 февраля Басенок с прочими воеводами услышал призывные звуки вражеских труб и увидел подходившее к городу конное новгородское ополчение, они совершенно серьезно полагали что их ждет гибель. Однако они приняли решение умереть в бою за великого князя, а не отступить. В противном случае, по их мнению, князь бы их все равно казнил за их «корысть», из-за которой они остались в городе до прихода неприятельской рати. Но даже в такой ситуации Басенок с присущей ему решительностью и отвагой не растерялся. Как нам недавно удалось показать, он предпринял хитрый маневр — уже когда неприятель почти подъехал к городу и находился в пределах видимости, он быстро и незаметно для него успел поделить московско-татарское войско на 2 части — одну оставил встречать врага на въезде в город на огородах возле церкви святого Ильи пророка, а другую незаметно для новгородцев послал за окрестное поле в засаду¹⁴⁸. Сам Басенок наряду с иными главными московскими воеводами, по-видимому, находился в засадном полку — по великокняжескому летописанию, они первыми

начали обстреливать новгородских коней, что, согласно новгородским летописным данным, делал именно этот отряд¹⁴⁹. Между тем, передовой полк встретил новгородцев на пригородных огородах у церкви Святого Ильи пророка и принял бой. Сама же церковь уже относилась к городскому массиву — она находилась на углу Ильиной и Рогачевской улиц (нынешних Ломоносова и Минеральной), а Рогачевская улица была главной артерией соименного городского конца. Но ее огороды уже выходили за город. Там новгородцам удалось убить 50 москвичей и татар. Но потом оставшаяся часть полка отступила «в Русу», поскакала по улицам и дворам и заманила преследователей в тупик на краю города возле «поля»¹⁵⁰, где, по великокняжескому летописанию, путь преграждал плетень и «суметы» снега¹⁵¹. На конях этого препятствия было не преодолеть, и новгородская конница снова погубила много москвичей и татар, однако сама тоже не могла скакать дальше, чего Басенок и добивался. Пока они отвлеклись, снимая в качестве трофея доспехи с убитых противников, «с поля» неожиданно налетела новая московская и татарская рать, которую вели, по-видимому, сами воеводы во главе с Басенком. Она окружила завязших у плетня недругов сзади и сбоку и, перед тем как вступить в бой, обстреляла новгородских коней. Новгородцы на борьбу с московским служилым воинством нарядились в крепкие доспехи и по европейскому обычаю вооружились длинными копьями для конного боя. Однако коней доспехами не прикрыли, что, впрочем, и в других русских землях не делали. Поэтому-то по коням и было проще стрелять. Но, кроме того, это само по себе делало сравнительно малочисленное новгородское войско беспомощным в борьбе с маневренной московской служилой и татарской конницей (недаром и 14 лет спустя в Шелонской битве москвичи тоже будут обстреливать коней новгородцев, не доезжая до них). Вдобавок, злую шутку с новгородским отрядом сыграли и длинные копья, удобные для конного боя, но совершенно не приспособленные для того, чтобы разить ими снизу с упавших и бьющихся в судорогах коней. По язвительному замечанию московского летописца,

они и копыя поднять не могли. Он, правда, высокомерно объясняет это обученностью новгородского ополчения¹⁵².

Новгородец под Русой 3 февраля 1456 г.

Рис. Красникова А.В., 2015 г.

Но у новгородцев в их положении не было шанса это подтвердить или опровергнуть, ибо такими копыями на их месте бы и ливонский рыцарь не смог управиться.

Поэтому новгородское войско скоро было разгромлено. Среди павших новгородцев были сын посадника Афанасий Богданович и новгородский боярин Есиф Носов. Посадник Михаил Туча с некоторыми другими боярами попал в плен.

Москвичи брали немного пленных — ибо их самих было мало и большой полон было брать неудобно. Брали только представителей высшего, боярского сословия, прочих отпускали в Новгород, где многие из них, впрочем, скончались от ран.

Таким образом, московские воеводы проявили стратегическую недальновидность - услали из города большую часть войск (чем, в известной степени, иногда грешили и другие полководцы того времени, включая знаменитого князя Холмского перед навеки прославившей его имя Шелонской битвой). Однако они показали себя хорошими тактиками и организаторами и выказали решительность и отвагу, сумев буквально перед носом у подходящего к городу неприятеля принять решение и быстро и незаметно расставить войска. С помощью ловкого тактического маневра Басенку удалось победить значительно превосходящего по численности врага. В этом отношении это самая славная из всех его известных побед. Имя воеводы Басенка должно стоять в одном ряду с отличившимся в Шелонской битве князем Холмским, чей образ запечатлен на Памятнике Тысячелетия России.

Московская и казанская конницы, в свою очередь, продемонстрировали хорошую выучку и организованность. Надо отметить, это первая битва за весь XV в., в которой известно применение русскими засадной тактики. Мы отмечали сходство тактики Басенка под Русой и Холмского на Шелони с похожим маневром казанских татар того же Мамутяка в битве с москвичами под Суздаlem 1445 г. Не исключено, что москвичи заимствовали подобную тактику оттуда, испытав ее действие на собственном опыте¹⁵³. Там татары тоже начали в какой-то момент отступать, а потом, когда воодушевленные москвичи стали присваивать себе доспехи убитых недругов, неожиданно пошли назад в наступление, решив этим исход сражения и даже захватив в плен самого великого князя¹⁵⁴. Теперь Басенок ехать к Василию не боялся — ведь ему удалось разбить новгородское войско, и то уже не имело сил противостоять москвичам.

Правда, новгородцы послали за помощью во Псков. Псковичи решили поддержать новгородцев и 15 февраля прибыли в Новгород. Но в это время новгородцы по инициативе епископа Евфимия II уже склонялись к заключению с Василием Темным перемирия. Тем более, что еще 9 февраля умерла дочь Шемяки, а его вдова в тот же день бежала к сыну в Литву, поэтому больше у москвичей не было резона продолжать военные действия. Вероятно, в Новгороде была часть людей, склонных к миру с Москвой. Не сразу, но архиепископу удалось склонить новгородцев заключить перемирие. Мир был заключен в 100 км от Новгорода, в Яжелбицах, куда к тому времени прибыл со стороны Демянска великий князь. Уже после отъезда Василия II новгородцы по собственной воле выгнали служилого князя Александра Чарторыйского по подозрению в измене – по формулировке местного летописания, «перевет ли держель не вем Низовцемъ и Русу у нас взяша»¹⁵⁵. Александр отбыл во Псков. Видимо, в то время в вечевом Новгороде две партии то и дело поочередно брали верх. И вскоре после отбытия Василия победили наиболее радикальные противники великокняжеского влияния. Тем не менее, победа Басенка в сражении под Русой над новгородскими силами не прошла без следа. Некоторые ученые считают заключенный после нее Яжелбицкий мир началом нового этапа взаимоотношения Новгорода с Москвой и едва ли не судьбоносным для относительно скорого падения Новгородской республики¹⁵⁶. Ю. Г. Алексеев, наоборот, полагает, что существенного значения для укрепления великокняжеской власти он не принес. Ученый убедительно показал, что новгородцы соблюдали не все московские требования и проявляли антимосковские настроения¹⁵⁷. На первый взгляд, аргументация ученого выглядит более основательно, чем оспариваемая им точка зрения. В то же время, как показало не очень далекое будущее, новгородцы отныне прочно усвоили военное превосходство московской служилой конницы. Теперь они вынуждены были выбирать — или как-то пытаться уживаться с властью Москвы, поддерживая отношения лишь с теми, кто ей угоден, или же вообще

выходить из состава Руси и искать покровительства за ее пределами, в Литве. В этой связи именно утро 3 февраля 1456 г. наиболее подходит для даты окончания так называемой феодальной войны Василия Темного за Московское великое княжение. Великий князь не только утвердил свою власть в Москве и избавился от серьезных соперников, но и почувствовал себя в тот год настолько уверенно, что решил посчитаться с теми, кто вообще проявлял, по его мнению, слишком откровенное своеволие. В этот день великокняжеский воевода Басенок заставил новгородцев надолго запомнить отличную организацию и ловкую тактику московских конников.

4 года спустя, 20 января 1460 г., Басенок снова прибыл в Новгородскую землю вместе с Василием Темным. На этот раз они приехали в сам Новгород.

С князем были двое его младших сыновей и его приближенные, включая Басенка. Старший сын Иван был оставлен в Москве. Как иногда предполагают историки, это было сделано намеренно, чтобы в случае мятежа экстренно двинуть рать против непокорного Новгорода¹⁵⁸. Московские делегаты остановились за городом, на старинном княжеском подворье на Городище, расположенном от края города примерно в полутора километрах вверх по течению р. Волхов, на небольшом прибережном холме среди речной поймы в прямой видимости от юго-восточной городской окраины. Между городом и городищенской резиденцией простирались ровные заливные луга. Всего они прожили там несколько недель – с воскресенья 20 января до 1 марта¹⁵⁹ (по новгородским летописным данным — до 10 февраля)¹⁶⁰. Воевода Басенок, видимо, к тому времени пользовался большим доверием великого князя не только как полководец, но и как дипломат. Из Ермолинской летописи известно, что он с «товарищами» – видимо другими великокняжескими приближенными – пировал у самого новгородского посадника¹⁶¹. А такие пиры у видных новгородских бояр и должностных лиц вечевой республики имели большое политическое значение, поскольку позволяли

видеть управителей мятежного вечевого города в домашней обстановке и во время застолья. Особенно широко они практиковались в 1470-х гг. при Иване III, ликвидировавшем новгородский вечевой строй и присоединившем Новгородскую землю к Московскому княжеству. Участие же в таких пирах княжеских людей, в этой связи, безусловно, говорило об их близости к князю и тем, что они пользуются у него большим доверием. Кроме того, можно сделать вывод, что Басенок, по мнению великого князя, обладал необходимыми для такой миссии определенными дипломатическими способностями. Правда, формально, согласно свидетельствам официального великокняжеского и новгородского летописания того времени, князь прибыл «миром», поклониться новгородским святыням¹⁶². Но на самом деле он, вероятно, пытался прощупать настроение своевольного города, не так давно укрывавшего его заклятого врага Дмитрия Шемяку. Да и новгородцы встретили князя напряженно. Согласно Строевскому списку Новгородской IV летописи, они «на стороже жиша»¹⁶³. СII летопись даже сообщает о том, что они решили его погубить. Для этого они сошлись на вече перед кафедральным Софийским собором (где в отличие от обычного места городских вечевых собраний за рекой на Ярославовом дворе помещался «весь Новгород» и традиционно собиралось ополчение перед боем, а также происходила всеобщая общегородская встреча вновь избранного архиепископа после традиционной жеребьевки в главном соборе – М. Н.)¹⁶⁴. На вечевом собрании было решено отправиться на Городище и перебить Василия II и его детей. Лишь архиепископ Иона смог отговорить их, напомнив им, что оставшийся в Москве княжич Иван может прийти с ордынской ратью и жестоко им отомстить¹⁶⁵. Некоторые историки с полным доверием относятся к этому известию¹⁶⁶ или допускают вероятность его достоверности¹⁶⁷. А. А. Зимин, наоборот, назвал его вымыслом — иначе бы, по его мнению, князь за такие речи жестоко бы отомстил Новгородцам¹⁶⁸. На наш взгляд, не исключен как легендарный, так и достоверный характер этого повествования. И доводы А. А. Зимины едва ли закрывают этот вопрос. Василий II был человеком явно не глупым,

чтобы не знать об антимосковских настроениях в этом городе. А вырезать новгородцев или полностью подчинить край Московскому княжеству с демонтажем местного вечевого строя у него в планах не было. Со времен Яжелбицкого мира он старался укрепить там свою власть, заставить новгородцев, по крайней мере, внешне с нею считаться и не принимать у себя по своей воле его заклятых врагов. Поэтому даже если такие разговоры на вече шли, и князь узнал о них, то он мог пока и не принимать мер, а следить, чтоб новгородцы в открытую не слишком нагло выражали ему непочтение.

Однако они все-таки решили пойти на крупную провокацию, с тем чтобы держать Василия II в максимальном напряжении. Мишенью для этого и был выбран Федор Басенок, который в тот вечер пировал в городе в гостях у посадника. Наиболее подробно об этом сообщает Емолинская летопись, составитель которой, очевидно, записывал рассказы самого Басенка. Также есть более лапидарные и практически дословные известия СII и CI по списку Царского, явно восходящие к общему источнику.

В одну из зимних ночей Федор Басенок возвращался к себе на городище с застолья у новгородского посадника. Дело было в последних числах января, но, согласно СII, безусловно, до 31 числа, когда произошло чудо мощей Св. Варлаама Хутынского¹⁶⁹. С воеводой были его товарищи — другие приближенные князя, тоже участвовавшие в пире с посадником, и его слуга Илейка Усатый, происходивший из Рязанской земли. Чтобы попасть из Новгорода на Городище, надо было ехать по улице Славковой до окраинной церкви Ильи на Славне, и за ней, за несуществующим ныне городским валом и окружным ручьем примерно параллельно реке, среди заливных лугов, шла дорога. Где-то, либо в городе, либо за его пределами, его подстерегли новгородские бандиты «шилники», убили его слугу, но сам он едва «утече с товарищы»¹⁷⁰. CI по списку Царского и СII категорически заявляют, что Басенка тоже хотели убить¹⁷¹. Были ли у них такие

намерения на самом деле? По-видимому, их нападение было неслучайным. Есть определенные основания полагать, что их наняли новгородцы, в таком случае можно было поугатать Басенка, зарубить его слугу, но нельзя было доводить дело до убийства видного княжеского воеводы, это было при любом раскладе чревато войной. Правда, ни источники, ни историки не проводят прямой связи нападения бандитов с новгородской политикой. Но согласно дальнейшему рассказу Ермолинской летописи, новгородцы далее повели себя очень странно — услышав шум той уличной «голки», они «возмятошася», и в ту же ночь явились «всем Новым Городом» на Городище к Василию Темному, начали скандалить, уверяя, что его старший сын зачем-то пришел с «ратью на них». И лишь на силу «утолишася», «мало упасе Бог от кровопролития»¹⁷². Любопытно, что в других источниках про этот ночной приход не говорится. Вероятно, данное известие Ермолинской летописи было записано по воспоминаниям Басенка, который был тому очевидцем.

Однако весьма сомнительно, чтобы они в самом деле думали, что Иван стянул войска почти что под самый город. Когда в 1386 и 1477 гг. великие князья подводили рати практически к самому Новгороду (на расстояния от нескольких сотен метров до 2 км), то мужи новгородцы не выходили в поле всем городом скандалить, а крепили оборону города, а за его пределы высылали только делегатов для переговоров. В 1170 г., когда Андрей Боголюбский, поссорившийся с новгородцами из-за богатых промыслами Двинских земель, послал на Новгород огромное войско, новгородцы тоже укрылись в городе, обороняя его. Ночное вооруженное появление новгородцев перед воротами княжеского подворья больше всего напоминает не реальную готовность к бою с прибывшим сильным войском, а эпатажное поведение их отцов весной 1434 г., когда Василий примчался из-под Ростова в Новгород с остатками разбитого воинства искать убежище, а новгородцы тоже поголовно вышли в поле перед Городищем в боевом вооружении, шантажируя таким образом беззащитного гостя, чтобы тот обещал выдать им спорные земли.

Разве что на этот раз они уже не решались на такую откровенную вольность, а качали среди ночи права с видом оскорбленной невинности, зачем, мол, против них прислали войска, чтобы еще больше нервировать московских пришельцев.

Следует иметь в виду, что нападение шильников произошло если не на самих городских улицах, то в непосредственной близости от города — между ним и городищем лежали заливные открытые ровные луга, которые использовались летом под сенокос, а ночи зимой в тех краях темны, поэтому шильники не могли обойтись без факелов, а, если бы они устроили покушения более чем в нескольких сотнях метров от города, с Городища их могли бы заметить и принять меры. При этом следует иметь в виду, конечно, что весь город непосредственно слышать звуки потасовки никак не мог, ведь Новгород по тем временам был достаточно крупным городом, жилой массив которого в пределах внешних укреплений составлял несколько сот га, не считая пространства акватории Волхова, делящего его на две «стороны». Зато окрестные новгородские жители, слышавшие «голку» своими ушами, а не по пересказу сограждан, вполне могли отличить резкий шум близкой драки от отдаленного гула расположившегося за 1,5 км войска. Думается, все это была спланированная провокация. При этом Басенка и его «товарищей» – видных великокняжеских вельмож, едва ли реально планировали убить – тогда дело бы кончилось военным конфликтом. Скорее всего, дело бы убийством слуги-рязанца и кончилось. Басенка сотоварищи лишь припугнули, чтобы держать Василия II и его сподвижников в напряжении да так, чтоб при этом у того не было оснований предъявлять претензии к самим новгородцам. К тому же разряду относится ночной приход новгородского ополчения к самому Городищу – новгородская верхушка знала, что никакие войска против Новгорода не прибыли, но хотела окончательно своим ночным спектаклем напугать князя, изображая невинных жертв московского вероломства.

Правда, новгородцы после этой истории решили все-таки на всякий случай задобрить князя. Как нарочно, в эти дни, 31 января, произошло чудо в расположенном под Новгородом Варлаамо-Хутынском монастыре, где лежал больной отрок Великого князя по имени Григорий Тугман. Этот отрок там будто бы даже умер от болезни (что, впрочем, никто кроме самого новгородского духовенства не видел — М. Н.), а потом, благодаря чуду мощей почитаемого новгородского святого Св. Варлаама Хутынского, воскрес и исцелился. Кроме того, новгородцы преподнесли при этом Василию Темному, его людям и сыновьям богатые подношения. И лишь после этого, как справедливо указала О. В. Кузьмина¹⁷³, князь, согласно повести об умершем отроке, и уверовал в это чудо — «уцеломудрийся князь великий и во веру себе предложи еже о Бозе и о преподобьнем Варламе и о умерыне отроце».

Добавим, что это замечание содержится именно в том списке повести об умершем отроке, который сохранился в Летописи Авраамки, включавшей погодную запись современного официального новгородского летописания¹⁷⁴. А подобное признание новгородского источника в данном случае имеет особую ценность. Князь, получив дары, видимо, воочию убедился, что гордый Новгород все-таки теперь вынужден формально признавать его власть и заискивать перед ним, подхалимствовать и раскошелиться, поэтому он решил пойти новгородцам навстречу, признал чудеса мощей их святого и, уезжая, простился с ними доброжелательно. Его приближенные, включая Басенка, чей слуга пострадал от нанятых новгородской верхушкой бандитов, тоже не стали ничего им высказывать. Надо отметить, что они проявили немалую выдержку, ведя себя спокойно и с достоинством, как ни в чем не бывало, хотя и прожили после этого на Городище не менее 10 дней кряду, а то и около месяца. По новгородскому летописанию, Великий князь уехал из Новгорода в Москву 10 февраля «на память святого Харлампия», а своего сына Юрия отправил во Псков¹⁷⁵. Однако псковские летописи уверяют, что

князь жил на Городище до 1 марта¹⁷⁶. Историки обычно принимают более позднюю дату отъезда, содержащуюся в псковском летописании, а о новгородской летописной датировке даже не упоминают. В пользу псковской версии говорит то обстоятельство, что согласно тамошнему летописанию, Юрий к ним прибыл 24 февраля, на день обретения мощей Иоанна Предтечи¹⁷⁷, а также свидетельство великокняжеского летописания о том, что Василий Темный прибыл в Москву уже 9 марта, на память 40 мучеников Севастийских¹⁷⁸. Если принять новгородскую датировку, то тогда окажется, что Юрий проехал расстояние примерно в 220 км от Новгорода до Пскова за целых две недели (покрывая в среднем по 15-16 км в день), а его отец одолел примерно 520 км от Новгорода до Москвы почти что за целый месяц (преодолевая по 18 км в сутки)!

Выявленные выше противоречия в летописных датировках отъезда князя и Басенка из Новгорода могут быть разрешены, если допустить, что Василий поехал из Новгорода не сразу в Москву, а сделал крюк к северу, к расположенной приблизительно в 200 км от Новгорода на север крепости Орешек. Согласно уникальному известию вышеуказанного новгородского источника, «того же лета» он, по инициативе новгородцев и их архиепископа, прибыл туда и «покрепиль» ее¹⁷⁹.

Тем не менее, Василий Темный и его люди вместе с Басенком выехали из Новгорода моральными победителями. Видимо, и в Новгороде, и в Москве понимали, что прочных доброжелательных отношений между великокняжеской властью и вечевой республикой быть не может. Официальное летописание обоих городов тех лет все представляло в однозначно хорошем свете, старательно обходя все негативные моменты, вроде покушения шильников и напряженное состояние мужей новгородцев. Московское официальное летописание дает крайне краткий и оптимистический рассказ о визите Василия в Новгород, где его «с честью» приняли новгородцы¹⁸⁰. Новгородская официальная версия этих событий, содержащаяся в

Летописи Авраамки, наиболее близкая к ним по времени из всех других источников новгородского происхождения, тоже сообщает только о приезде великого князя с целью посетить новгородские святыни и о чуде Варлаама Хутынского, после которого новгородцы полубовно одарили князя, его сыновей и приближенных¹⁸¹. Но после победы Басенка под Русой новгородцы уже больше не решались на проявления откровенного неуважения к великокняжеской власти. А. Е. Пресняков, возможно, несколько преувеличенно назвал волнения новгородцев в дни великокняжеского приезда «первой судорогой политической агонии» республики¹⁸². За подстроенную ими провокацию против Басенка и устроенное перед Городищем ночное представление им пришлось самим же выпутываться из ситуации, а именно разыгрывать чудесное спасение княжеского отрока от мощей своего святого и потом еще расплачиваться щедрыми подношениями московским гостям. Больше Федор Басенок и великий князь, вероятно, в Новгороде не были.

В марте 1462 г. Василий Темный умер в возрасте 47 лет от туберкулеза. До нашего времени дошел текст духовной этого князя. Федор Васильевич Басенок упомянут в ней в качестве боярина Федора Васильевича — одного из 4 самых доверенных людей князя, «сидевших» у его духовной¹⁸³. С Басенком, согласно расхожему мнению, принято отождествлять и Федора Васильевича, упомянутого в актовом материале времен правления Василия Темного в качестве суздальского наместника, душеприказчика и т. д.¹⁸⁴

Впрочем, справедливости ради, надо отметить, что составители ДДГ (С. В. Бахрушин и Л. В. Черепнин — М. Н.) не поспешили называть этого человека Басенком, а в именном указателе даже обозначили их как двух разных лиц¹⁸⁵

Сходным образом поступили и составители Актов истории Северо-Восточной Руси (Далее - АСВР). Любопытно, что составители всех трех томов АСВР лишь допускали тождества этого человека с Басенком, преимущественно ставя знак

вопроса перед его фамилией. Например, в именных указателях к 1 тому (отв. Ред. Б. Д. Греков, составитель С. Б. Веселовский, подготовили к печати И. А. Голубцов, А. А. Зимин и Л. В. Черепнин) Басенок не упоминается вовсе, а указанный под буквой «Ф» – Федор Васильевич, наместник Суздальский, никак с ним не соотносится¹⁸⁶. Да и в при публикации самих актов составители нигде его с Басенком не отождествляют¹⁸⁷. Во 2 томе АСВР (отв. ред. Л. В. Черепнин, составитель И. А. Голубцов) в именном словаре Федор Васильевич указан как Басенок под вопросительным знаком¹⁸⁸.

Даже в 3 томе (отв. ред. Л. В. Черепнин, составитель И. А. Голубцов), где Федор Васильевич уверенно назван Басенком в именном словаре и заголовке документа № 493¹⁸⁹, в примечании к документу №101 он уже отождествлен с ним лишь в предположительной форме¹⁹⁰.

Надо также иметь в виду, что в источниках Федор Басенок всегда фигурирует со своим прозвищем. Надо сказать, в Средневековой Руси бывали случаи, когда прозвище настолько сильно закреплялось за человеком, что его иначе не величали. Современник Александра Невского, «Миша» – новгородец, герой Невской битвы и основатель влиятельного боярского рода, всегда упоминался в источниках только с этим уменьшительным именем. А его сыновья, авторитетные бояре, получавшие чин посадника, всегда в память об отце именовались не Михайловичами, а Мишиничами. Это обстоятельство, на наш взгляд, является серьезным доводом против расхожего бездоказательного отождествления с Басенком каких-либо живших и служивших в те времена в пределах Московского княжества Федоров Васильевичей. В таком случае, вопреки традиционному мнению, у нас нет данных о боярском чине Басенка — если допустить, что боярин Федор Васильевич из духовной Василия Темного может быть другим лицом.

После смерти Василия Темного имя Басенка исчезает практически из всех источников. Однако, по сведениям Я. С. Лурье, А. А. Зимин обнаружил в Софийском собрании Отдела Рукописей Публичной библиотеки новые известия о Басенке в неопубликованном памятнике летописания Кирилло-Белозерского монастыря. Как выяснил исследователь, один из списков краткого летописца Гурия Тушина содержит сведения о его опале и последующем пребывании в Кирилло-Белозерском монастыре: «В лето 6971 (1463) августа 27 Басенку очи выняли после великого князя Василия смерти год и 5 месяц. ...В лето 6981 (1473) июля 4 приехал Басенок в Кириловъ жит и жил в нем 7 лет и 2 месяца»¹⁹¹. Сам А. А. Зимин не давал в печатных работах библиографической ссылки на этот источник и не приводил его текста полностью. Это, со ссылкой на рассказы исследователя, сделал Я. С. Лурье в одном из примечаний к своей статье о русском летописании XV в.¹⁹² Ученый передал текст летописца почти точно. Но номера листов им были указаны неверно (выше мы, на основе личного ознакомления с этой рукописью, дали правильную ссылку).

Однако никто из исследователей не обратил внимания на необычный характер этих записей. Бросается в глаза, прежде всего, несколько моментов. Сообщая об ослеплении Басенка 27 августа 1463 г., летописец умалчивает о причине этого редкого на Руси способа казни, в то же время, подчеркивая, что это было через год и 5 месяцев после смерти прежнего великого князя Василия Темного. Между тем, обычно в древнерусских источниках таких точных отсчетов со дня смерти прежнего правителя не встречается. Такая уникальная привязка не может не наводить на мысль о том, что вина Басенка была как-то связана для современников именно с покойным Василием II, а не нынешним князем Иваном III. Иначе летописцу логичнее было бы отсчитывать в данном случае время от дня даты его вокняжения. Показательно полное молчание прочих источников о судьбе знаменитого полководца, хотя казни иных известных лиц, наказанных при Иване

III, так или иначе, находили отражение в крупных летописных памятниках тех десятилетий. А Басенок просто как бы исчезает из жизни Московского княжества. При этом этот великий князь не был склонен к частым жестоким расправам, а ослепление – достаточно редкая и страшная кара, которой подвергали в особых случаях. Видимо, Басенок с точки зрения Ивана I, при Василии Темном совершил нечто, о чем было поминать неудобно, поэтому и о расправе над ним тоже старились умалчивать. Можно в этой связи вспомнить вышеописанную историю с Коломенскими селами Басенка в духовных Софьи Витовтовны и приписной грамоте к духовной Василия Темного. В духовной Софьи Витовтовны эти села, наряду с иными ее «прикупам», передаются во владения сыну с правом личного пользования ими и дальнейшей передачи их любому лицу. Однако в приписной грамоте к духовной Василия утверждается, будто Софья Витовтовна в свое время дала их Басенку, а в своем завещании якобы лишь разрешила Василию Темному ими распоряжаться. И вот, дескать, только теперь, много лет спустя, он по-прежнему оставляет их за Басенком, а после смерти того велит передать их своей вдове Марии Ярославне. Между тем, известно, что Василий Темный умирал от тяжелой «сухотной болезни» – туберкулеза, и пытался смягчить страдания модным в то время способом – жжением трута вдоль хребта. В таком состоянии ему было тяжело сочинять столь важный и сложный документ. Неслучайно именно к его духовной была потом добавлена эта самая приписная грамота. Как в ней признается сам умирающий, «чег(о) есмь в свою грамоту душевную не вписал, и яз в сю приписную грамоту написал»¹⁹³. Это является беспрецедентным случаем в древнерусской истории – прочие князья, в отличие от него, были в состоянии все «написать» с первого раза. Совершенно очевидно, что, когда человек находился в таком тяжелом состоянии, его легко можно было запутать и обмануть. И у нового князя Ивана III могло в какой-то момент возникнуть подозрение – не мог ли Басенок, воспользовавшись столь экстраординарной ситуацией, каким-то образом, пожаловать себе села.

Примечательно и то, что Басенок подвергся ослеплению именно летом 1463 г. Как раз в это время московские писцы были заняты тем, что отписывали на имя Ивана III земли только что присоединенного к Москве бывшего Ярославского княжества, а прежним ярославским землевладельцам, взятым на московскую службу, выделяли земли под их новые поместья. При этом, конечно, могли вскрыться и нестыковки в завещаниях по поводу двух сел Басенка.

За такие дела, связанные с подлогами в завещании правителя, в те времена могла быть самая жестокая кара. К тому же, это было и преступление перед Богом, которому оно поверялось.

Но в то же время предавать такой проступок чрезмерно большой огласке тоже едва ли было удобно — ведь духовная грамота, как и приписная к духовной, в средневековье считалась личным завещанием покойного, отражавшим его волю и сочиненным им. Следовательно, разглашать, что за немощного умирающего князя текст духовной придумывали в своих корыстных целях другие люди в этой связи было немислимо. Иначе сам документ тоже утрачивал свою легитимность. Не поэтому ли судьба Басенка при Иване III держалась в основном в тайне, и какие-то сведения о ней дошли до нас лишь в летописании видного монаха Кирилло-Белозерского монастыря, где Басенок потом одно время был в ссылке.

Вызывает интерес и сообщение о пребывании Басенка в Кирилло-Белозерском монастыре с 4 июля 1473 г., запись носит сухой протокольный характер. При этом не упоминается, откуда был переведен Басенок, и что с ним случилось позже. Лишь с точностью указаны день его прибытия и срок его пребывания в обители — 7 лет и два месяца. Видимо, Кириллов монастырь был не первым местом заточения опального Басенка, а, возможно, и не последним. Где он сидел почти 10 лет со времен своего ослепления, в связи с чем был переведен в Соловецкий монастырь — неизвестно. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что запись сделана

уже постфактум — после 4 сентября 1480 г., так как обо всем проживании Басенка в этой крупной обители говорится в прошедшем времени. Видимо, Гурий сделал эту запись уже в начале 1480-х гг., в кратковременный период, когда он был игуменом монастыря и, вероятно, собирал различные данные по истории обители.

Но постигшая Федора Васильевича Басенка кара не повредила его семье – сын Никифор Басенков стал видным дипломатом, а внук известен, как обладатель боярского чина.

Таким образом, изучение биографии Басенка показывает, что мы знаем о нем одновременно и меньше, и больше, чем это может показаться. С одной стороны, следует критически отнестись к расхожим мнениям о связи его с суздальским наместничеством, «сидении» при составлении духовной Василия Темного и обладании боярским чином. Оказывается даже трудно установить время его возвышения в качестве одного из первых воевод великого князя. Тем не менее, нам удалось наиболее подробно рассмотреть некоторые другие аспекты его биографии, в частности: обозреть сражения, в которых он принимал участие, определить его роль в этих сражениях и оказанное им впоследствии влияние на судьбу московского княжения в 1446 г., раскрыть мотив покушения на него новгородских шильников и развить идею Я. С. Лурье о его причастности к составлению некоторых известий Ермолинской летописи. И, хотя в целом мы не так много знаем об этом воеводе, мы можем с уверенностью заключить, что это был весьма решительный человек и военачальник, а также выдающийся тактик, достойный славы и заслуживающий места в одном ряду с таким величайшим полководцем Средневековой Руси, как князь Холмский.

¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — М., 1988. — С. 252-253.

² Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — М., 1992. — С. 47.

³ Лурье Я.С. Из истории русского летописания конца XV века // Труды отдела древнерусской литературы. — Л., 1955. — Т. 11. — С. 163. — Прим. № 1

⁴ Там же. — С. 161-163.

⁵ Селиверстов Д.А. Русский Азенкур // Журнал «Воин» — 2008. — № 6. — С. 8-20; Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96-113. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Благодарим О. А. Курбатова за то, что указал на эту работу Д. А. Селиверстова.

⁶ Несин М.А.: 1) Набеги татар Большой Орды на Коломенскую округу сер. 1450-х Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура // Материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 2–3 декабря 2014 г. — Ижевск, 2014. — С. 147-153. 2) Н.М. Карамзин о набегах татар Большой Орды на Коломенскую округу в середине 50-х гг. XV столетия. К вопросу об актуальности точки зрения ученого для современной исторической науки // XIII Карамзинские чтения 3-4 декабря 2014 г. В печати....; 3) Поход Дмитрия Юрьевича Шемяки на русский север в 1450-х гг. // Шестые Зиминские чтения. В печати....

⁷ Алексеев Ю.Г. Андрей Михайлович Плещеев - боярин Ивана III // Средневековая и новая Россия. — СПб., 1996. — С. 323-353.

⁸ Борисов Н.С. Князь Холмский // Русские полководцы XIII-XVI вв. — М., 1992. — С.121-132.

⁹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — С. 252.

---

¹⁰ Полное собрание русских летописей (Далее - ПСРЛ). — М., 2000. — Т. 23. — С. 151.

¹¹ Лурье Я.С. Из истории русского летописания конца XV века. — С. 161-163.

¹² ПСРЛ. — Т. 23. — С. 151-156.

Несин М.А.: 1) Набеги татар Большой Орды на Коломенскую округу сер. 1450-х гг. — С. 148.; 2) Н.М. Карамзин о набегах татар Большой Орды на Коломенскую округу в середине 50-х гг. XV столетия. К вопросу об актуальности точки зрения ученого для современной исторической науки. В печати...

¹³ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 151.

¹⁴ ПСРЛ. — СПб., 1901 — Т. 12. — С. 42.; ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С.196.; ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 27. — С. 108.

¹⁵ Как отметил Я.С. Лурье, более ранних летописных великокняжеских сводов среди известных нам памятников выявить невозможно. Музейный летописец, доведенный до середины XV в., вероятно, содержит заимствования из того же свода 1472 г. и вторичен по отношению Софийской I летописи. (Лурье Я.С. Две истории России — Л., 1994. — С. 16, 79). Кроме того, в Музейном летописце повесть о Суздальском бою 1445 г. приведена в неполном варианте, как в Вологодско-Пермской летописи, содержащей свод 1472 г. В них всех отсутствуют сведения о том, откуда выступил татарский отряд и почему именно на самом деле бежали к Василию из одной из нижегородских крепостей воеводы Долгополдов и Драница, подпалив охраняемые ими прежде укрепления. (Несин М.А. Борьба русских войск с татарами Улу-Мухаммеда на территории Нижегородского края в 1445 г. // Нижегородский край в истории России: Материалы IV научной конференции памяти профессора Н.Ф. Филатова, 29 апреля 2015г. (в печати...))

¹⁶ ПСРЛ. — Т. 12. — С. 42.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. — С. 41-42.

---

¹⁹ Там же. — С. 42.

²⁰ Там же. — С. 41-42.

²¹ Селиверстов Д.А. К вопросу о службе «даточных людей» в войске Иоанна Васильевича Грозного (отклик на статью Молочникова А.М.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. — С. 73-93 <<http://www.milhist.info/2013/05/23/seliverstov>> (23.05.2013).

²² Молочников А.М. Замечания на отклик Д.А. Селиверстова по поводу статьи о даточных людях черносошных земель в войске Ивана Грозного [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. — С. 94-103 <http://www.milhist.info/2013/07/08/molochnikov_2> (08.07.2013).

²³ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152.

²⁴ То, что под людьми в данном случае стоит понимать, именно татар, а не слуг, говорит приведенное тут же описание отряда другого царевича Муртозы, перешедшего на московскую службу сына убитого под Рязанью Мустафы: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 507; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 176. В отряде Муртозы, оставшемся охранять Москву тоже были казаки и князья, но не «люди». Было бы странно, если бы у его князей не было боевых холопов, а вот своих татар у него не было, ибо ему тогда не было выделено никакого особого удела с татарским населением, и он сохранял статус татарского царевича только по происхождению, а не по положению, а реально играл роль обычного великокняжеского русского воеводы. Что касается казаков, то не ясно, откуда и когда они к нему попали, но согласно той же летописной повести,

---

охранять Москву считалось их «делом». Как видно, уже в то время Иван III привлекал их на городскую службу, стоять на страже своей столицы.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. — С. 443.

²⁷ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 2001.; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 111.

²⁸ Цит. по: ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 443.

²⁹ Зимин А.А. Витязь на Распутье. — М., 1991. — С. 108.

³⁰ Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С. 148.

³¹ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152.

³² Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. — М., 1960. — С. 794-795.

³³ Несин М.А. Купечество вечаевого Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — Великий Новгород, 2012. — С.179.

³⁴ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 202.

³⁵ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152.

³⁶ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152; ПСРЛ. — Т. 26. — С. 202-203.

³⁷ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 202.

³⁸ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152; ПСРЛ. — Т. 26. — С. 202-203.

³⁹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. — С. 766-767.

⁴⁰ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152.

⁴¹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 202-203.

⁴² ПСРЛ. — Т. 23. — С. 153.

⁴³ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 203.

⁴⁴ Зимин А. А. Витязь на распутье. — С. 112.

-
- ⁴⁵ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 203
- ⁴⁶ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 203; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 111-112.
- ⁴⁷ ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т. 5. — С. 268; ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152.
- ⁴⁸ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 203; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 111-112.
- ⁴⁹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 203-204; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 112.
- ⁵⁰ См. напр: Карамзин Н.М. История Государства Российского; в 3-х книгах. — СПб., 2000. — Кн. 2. — С.183.
- ⁵¹ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 153.
- ⁵² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. — С. 766-767.
- ⁵³ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 152-153.
- ⁵⁴ Там же. — С. 153.
- ⁵⁵ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 204; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 112.
- ⁵⁶ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 153.
- ⁵⁷ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 204; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 112.
- ⁵⁸ См. напр: Зимин А. А. Витязь на Распутье. — С.118.
- ⁵⁹ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154.; ПСРЛ. — Т. 26. — С. 204-205; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 112. К нестандартному выводу пришел новейший исследователь С. Л. Кинев. По его мнению, Шемяка сам собирался выделить удел Василию, просто выбирал наиболее оптимальный во всех отношениях вариант. Исследователь отмечает, что Василий Темный получил его всего лишь через несколько месяцев после того, как в мае обещал Ионе это сделать, что, по его мнению, для «неспешного» средневековья небольшой срок. Кроме того, по его словам, в Устюжском своде нет никаких сведений о «народном возмущении». (Московские князья периода династических войн второй четверти XV В. В Великокняжеском и независимом летописании (галицкая ветвь) // Вестник Томского Государственного Университета — Томск, 2011. — Вып. № 48. — С. 90.) Но ученый в данном случае не принял во внимание

такой факт, как произошедшее перед этим массовое бегство в Литву служилых людей. А в этой обстановке ему приходилось быть более внимательным к мнению оставшихся и позициям видных представителей духовенства, которые тоже были за освобождение Василия и выделение удела (ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154) Сокращенный свод конца XV в. И Устюжский свод отмечает, что примирение братьев происходило с ведома епископов, игуменов, пресвитеров, собранных Шемякой со всего Московского княжеств: ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 44, 88; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 263). Весьма примечательно, что в Устюжском своде XVI в. после сообщения о выделении Василию в удел Вологды прерывается последовательность повествования и поясняется, что когда «Великого князя» Василия II «поймал князь Дмитрий и князь Можайский Иван», в Литву уехали со своими дворами князь Василий Ярославич, Семен Оболенский, Иван Ряполовский и Федор Басенок, а затем летописец вновь возвращается к описанию осенних событий – переговорам Василия с тверским князем и др. (ПСРЛ. — Т. 37. — С. 44, 88). Таким образом, и далекий северно-русский хронист понимал, что на самом деле заставило Шемяку дать Василию удел в Вологде в сентябре 1446 г. Другое дело, что исследователь, безусловно, прав, призывая рассматривать не только официозную великокняжескую московскую версию, написанную уже во времена победы Василия в борьбе за великокняжеский стол, и отмечая зависимость от нее многих исследователей. Как мы видели, в некоторых случаях истинный ход событий помогает выявить обращение к Ермолинской летописи и другим памятникам летописания.

⁶⁰ Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 117.

⁶¹ Рязкин Г. Тайная история Новгорода Великого. — В. Новгород, 2011. — С. 402.

⁶² Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 120

⁶³ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 207; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 114.

⁶⁴ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154; ПСРЛ. — Т. 26. — С. 207; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 114.

---

⁶⁵ Предположение А. А. Зимина, что Шемяка смог бы создать сильную державу к северу от Москвы с опорой на Галич, Устюг и др. города, при этом, опираясь на тамошних промышленников, повести ее по некрепосническому предбуржуазному пути (Зимин А. А. Витязь на распутье — С. 209-211. и др.), представляется не достаточно обоснованным. В 1990-х гг., оно произвело на некоторых исследователей Московской Руси положительное впечатление (см. напр.: там же. — С. 217.; Козляков В.Н. Рец. на: А. А. Зимин. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. // Вопросы истории. 1992. — Вып. № 10. — С. 198-200). Данным ученым понравилось, что А. А. Зимин выступил против постулируемых в советское время концепции москвоцентризма и представлении о прогрессивной роли московской централизации с утверждением по всей стране сильной великокняжеской, а затем и царской власти. Впрочем, уже в те годы высказывались и иное мнение по этому поводу. В.М. Панеях отнесся к идее ученого скептически (Панеях В.М. Панорама истории России XV-XVI веков А. А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье // Отечественная история. — М., 1992 — Вып. № 6. — Серия 1. — С. 79). Пример Новгорода очень хорошо показывает, что ни относительно важная роль городского ополчения, ни удачное положение на торговых путях, не препятствовало ни развитию крупного частного землевладения, ни укрепления влияния местной знати. Известно, что в Новгороде даже купеческий торговый суд, возглавляемый боярином - тысяцким, со временем полностью сосредоточился в его руках. В Устюге, как мы увидим ниже, тоже правили не купцы, а «добрые люди», которых и решали — сдать город Шемяке, или нет. В Вологде XV в., согласно привлеченному Ю.Г. Алексевым актовому материалу, тоже распоряжались «земские люди городские» (Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — М., 2009. — С. 12). Видимо, в дальнейшем эта знать постепенно перейдет на службу московским правителям, - в XVI-XVII в. о ней нет никаких известий в этих городах Севера, а активную роль в жизни края играли торговый

люди. Но при жизни Шемяки об этом речи не шло. А из купцов на него серьезно ориентировались лишь некоторые московские «гости», жаждущие без пошлин торговать галицкой солью при объединении Галицкого и Московского княжеств.

⁶⁶ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154.

⁶⁷ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 208; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 115.

⁶⁸ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154; ПСРЛ. — Т. 26. — С. 208; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 115.

⁶⁹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 208; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 115.

⁷⁰ См. напр: Зимин А. А. Витязь на распутье. — С. 154.

⁷¹ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154.

⁷² Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник — Сыктывкар, 1958. — Вып. № 4. — С. 261; ПСРЛ. — Т. 37 — С. 88-89.

⁷³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства — С. 704-709; Давыдов В.П. Присоединение Коми края к Московскому государству. — Сыктывкар, 1977. — С. 11-20.; Зимин А. А. Витязь на распутье. — С. 142-145.; Алексеев Ю.Г. Государь Всея Руси — Новосибирск, 1991 — С. 29.

⁷⁴ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. — С. 706.

⁷⁵ ПСРЛ. — Т. 5. — С. 271; ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 117.

⁷⁶ Об этом см. также: Поход Дмитрия Юрьевича Шемяки на русский север в 1450-х гг. // Шестые Зиминские чтения. В печати....

⁷⁷ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 209; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 115-116.

⁷⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 192.

⁷⁹ Русская историческая библиотека. — СПб., 1880. — Т. 6. — С. 591-592.

⁸⁰ Вычегодско- Вымская летопись. — С. 261.

⁸¹ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 192.

⁸² ПСРЛ. — Т. 26. — С. 209.; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 116.

⁸³ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 192.

⁸⁴ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 212; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 117.

-
- ⁸⁵ ПСРЛ. — Т. 37 — С. 88.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Вычегодско-Вымская летопись. — С. 261.
- ⁸⁹ ПСРЛ. — Т. 37 — С. 89.
- ⁹⁰ Вычегодско- Вымская летопись. — С. 261.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Русская историческая библиотека. — Т. 6. — С. 591-592.
- ⁹³ Об этом см. также: Поход Дмитрия Юрьевича Шемяки на Русский Север в 1450-х гг. // Шестые Зиминские чтения. В печати....
- ⁹⁴ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 212.; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 117.
- ⁹⁵ Алексеев Ю. Г. Государь Всея Руси. — С. 29.
- ⁹⁶ Там же. См. также: ПСРЛ. — Т. 26. — С. 212.; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 117-118.
- ⁹⁷ ПСРЛ. — Т. 37. — С. 89.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 212.; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 118.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 193.
- ¹⁰¹ ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. 15. — Стб. 495.
- ¹⁰² Повести о житии Михаила Клопского. — М.; Л. 1958. — С. 108.
- ¹⁰³ ПСРЛ. — Т. 23. — С.154.
- ¹⁰⁴ Зимин А.А. Витязь на Распутье. — С. 153.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 193.
- ¹⁰⁶ Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора // Церковная традиция и историческая критика — М., 1988. — С. 106-112.
- ¹⁰⁷ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154.; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 20. — С. 262.
- ¹⁰⁸ См. напр: Борисов Н. С. Иван III. — М., 2006. — С. 56.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 154.

-
- ¹¹⁰ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. — С. 30.
- ¹¹¹ Цит. по: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. (Далее - ДДГ). — М.;Л., 1950. — № 61. — С. 198.
- ¹¹² См. напр: Соловьев С. М. Сочинения. — М., 1993. — Кн. 2. — Т. 4. — С. 566; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — С. 252; Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы: борьба за единство Руси. — С. 47.
- ¹¹³ ДДГ. — № 57. — С. 176.
- ¹¹⁴ См. напр: Зимин А.А. Витязь на Распутье... — С. 169; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. — С. 47; Горский А.А. Москва и Орда. — С.143.
- ¹¹⁵ Карамзин М.Н. История государства Российского. — С. 199-200.
- ¹¹⁶ Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 169; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. — С. 47; Горский А.А. Москва и Орда. — С.143.
- ¹¹⁷ Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. — М., 1969. — С. 308
- ¹¹⁸ Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 169-170.
- ¹¹⁹ Несин М.А.: 1) Набеги татар Большой Орды на Коломенскую округу сер. 1450-х гг. — С. 147-153; 2) Н.М. Карамзин о набегах татар Большой Орды на Коломенскую округу в середине 50-х гг. XV столетия. К вопросу об актуальности точки зрения ученого для современной исторической науки. В печати...
- ¹²⁰ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 213; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 118.
- ¹²¹ ПСРЛ. — Т. 23. — С.155.
- ¹²² ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб.127-128.
- ¹²³ Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. — С. 308; Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 169-170.
- ¹²⁴ ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 128.
- ¹²⁵ ПСРЛ. — Т. 23. — С.155.

---

¹²⁶ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 213; ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 128; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 118.

¹²⁷ РНБ. Погодинское собрание. — № 1554. — Л. 4 об.

¹²⁸ Несин М.А. Языческие выступления в Северо-Восточной Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — Вып. № 2-1. — С. 98.

¹²⁹ ПСРЛ. — Т. 23. — С.155; ПСРЛ. — Т. 26. — С. 213; ПСРЛ. —Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 127; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 118.

¹³⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. I. — № 56. — С. 103-104.

¹³¹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 213; ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 128; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 118.

¹³² Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 169.

¹³³ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 216; ПСРЛ. —Т. 27. — С. 120.

¹³⁴ Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 86.

¹³⁵ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 213; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 118.

¹³⁶ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 156; ПСРЛ. — Т. 26. — С. 213; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 118.

¹³⁷ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 194.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. Д.А. Селиверстов полагает, что изгонная рать в 1456 г. на самом деле насчитывала не более 500 человек — по его мнению и сам великокняжеский двор при Василии Темном состоял из нескольких сот человек (Селиверстов Д.А. Русский Анзенкур. — С. 14-15). Однако, исследователь приводит лишь данные о московском походе против татар к Суздалью 1445 г, который был организован крайне плохо во всех отношениях (Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 102). Князь не иначе как был окрылен своими прошлогодними победами над этими казанскими ратями и собирался в новый поход крайне беспечно. Если учесть, что

тогда к нему не прибыло из одного только Владимира 500 воинов с воеводой Александром Игнатьевичем — а крупных крепостей в Московской земле было тогда немало — то уже это наглядно показывает, что число служилых людей у великого князя исчислялось не сотнями, а тысячами. О том, что великокняжеский двор в те годы объединял служилых людей из всех городов Московского княжества, говорит тот факт, что в том же 1445 г. Выпущенного из татарского плена Василия встретило в Переславле Залесском «множество двора со всех градов» (ПСРЛ. — Т. 26. — С. 198). Кроме того, исследователь отметил, что в начале того же 1445 г. против литовских войск выступили лишь считанные десятки боровчан, жожаичей, вереичей. Но тамошние князья с основными силами в то время направлялись под Муром и в Нижегородский край воевать с вторгшимися в эти земли татарами Улу-Мухаммеда. Литовцы вторглись в русские пределы, когда эта коалиция князей во главе с Василием II была во Владимире на Клязьме (ПСРЛ. — Т. 23. — С. 151). А приведенное Д.А. Селиверстовым упоминания 500 дворян Шемяки в 1436 г. и вовсе не имеет отношения к великокняжеским войскам — тогда Шемяка не был великим князем, а княжил в Галиче и Угличе. К тому же, тогда к Василию Косому могли примкнуть не все силы, рассчитывая на помощь ополчения из вечевой вятской республики (ПСРЛ. — Т. 23. — С. 139). Несколько сот служилых людей при Василии имел даже безземельный служилый князь Чарторыйский, у которого на 1460 г. было 300 воинов. Вообще, приведенные исследователем данные о княжеских дворах и «изгонных» отрядах весьма интересны, поскольку они показывают, что в те годы порой воевали и малыми силами. Но Московское княжество в 1450-х гг. было крупным государственным образованием, имело много крепостей, и безусловно имело возможности выставить во много раз большее войско, чем в свое время галицко-углицкий князь Дмитрий Юрьевич. Поэтому летописная оценка численности московско-казанской изгонной рати во главе с Басенком нам не кажется заведомо утопичной.

---

¹⁴¹ О численности войск Холмского и Хромого см: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск... — С. 122.; Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 470-472. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

¹⁴² Несин М. А. Сражение под Русой — С. 101-103. Д.А. Селиверстов почему-то утверждал, что перед въездом в город они передвигались по льду реки и были построены свиньей на манер ливонских рыцарей на Ледовом Побоище. Мало того, он приводил отсутствующие в источниках данные, по скольку в ряд они ехали, и с какой стороны во главе с каким боярином следовала та или иная кончанская корпорация. Вдобавок, исследователь добавлял еще ряд не сохранившихся в летописях подробностей, в роде смерти одного из новгородских бояр именно от рук татарина, отсутствия накануне, а так же утром во время боя под Русой Стриги Оболенского, а также граничащие с жанром исторической беллетристики детали, как разговор Карамышева с Басенком и описание ясной морозной погоды. (Селиверстов Д.А. Русский Азенкур. — С. 15-18).

¹⁴³ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 215; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 119. Недавно, Д.А. Селиверстов, впервые в историографии попытался критически осмыслить летописные данные о численности новгородского воинства в той кампании и предположил, что в отряде Гребенки Шуйского на самом было меньше тысячи человек (Селиверстов Д.А. Русский Азенкур. — С. 12). Однако, эта цифра достаточно условной — мы все - таки не знаем точно, сколько всего городских районов было представлено в отряде, да и количество дворян в отряде Шуйского не следует ограничивать 25 всадниками — Чарторыйский, проживавший в Новгороде на таком же положении, а затем перешедший во Псков, содержал 300. Число бояр в крупных городах еще в домонгольское время исчислялось сотнями — известно, что князья Игоревичи вырезали до 500 галицких бояр, а иные разбежались (ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 2. —

С. 723-724). Даже если предположить, что местный летописец завысил число убитых сограждан, все равно показателен общий порядок цифр. Кроме того, новгородская элита еще в XIV в. носила у ганзейцев название 300 золотых поясов. К мысли о том, что в Новгороде жили сотни бояр, склоняет и известное сообщение местного летописания о «конево́й» боярской владычной рати, участвовавшей в войне с Московией летом 1471 г. Новгородцы очень рассчитывали на «пособие» со стороны этих конников как в бою пешей судовой рати в Русе с войсками Холмского, так и в Шелонской битве при столкновении с тем же самым московским отрядом. Как мы знаем, эта рать состояла исключительно из «больших» - бояр, причем, вопреки расхожему мнению, не из всех — на Шелони на них стали «вопити» не «меньшие» люди, а «новгородцы» в целом хотя те и назвали себя образно молодыми людьми признавая что их доспехи и кони не годны для успешного противостояния московской профессиональной служилой коннице (ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446; Несин М.А. Новгород 1470-х гг.: соотношение внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика. 2010. — В. Новгород, 2011. — Ч. 1. — С. 216). Вдобавок, владычная боярская конная рать явно не включала в себя командующего ополчением посадника Дмитрия Борецкого который таким образом, «вопил» на нее среди иных «новгородцев» Она, напротив, явно объединяла в основном противников выхода Новгорода из состава Руси, склонных к традиционному миру с Москвой и избегавшими вступать в бой с великокняжескими отрядами. Прочие же новгородцы очень надеялись на то, что владычная конница им поможет справиться с москвичами. Конечно, данный летописный рассказ, безусловно отражает позицию самого владыки Феофила — сторонника сохранения новгородской старины при условии сохранения мира с Москвой — осуждая откровенного переветника Упадыща, пытавшегося сорвать оборону Новгорода, — летописец тем не менее не критикует позицию владычного полка и с заметным сочувствием относится к тем,

---

кому война с Москвой была не нужна изначально (ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446-447). В этой связи летописец мог нарочно подчеркнуть разлад в новгородском воинстве. Но если бы владычная конная боярская рать составляла всего лишь считанные десятки, а не более ста, или сотни воинов, то едва ли он бы стал писать заведомую чушь о том, что новгородцы всерьез рассчитывали на ее помощь в борьбе с 4-5 тысячной профессиональной служилой коннице. Поэтому, даже учитывая тот факт, что в отряде Гребенки Шуйского было меньшинство городских бояр, все-таки их число едва ли было совершенно мизерным.

А поскольку у мужей-новгородцев были неполноправные, но боеспособные «дети», то в отряде Гребенки-Шуйского было видимо, сильно больше ста — двухсот членов боярских семей. При этом редкие упоминания о детях боярских в новгородских источниках требуют дополнительного изучения. Они, вероятно, относились к тем же служилым людям служилых князей, а не к слугам бояр типа «паробчей» посадничьих. Поэтому их не следует столь однозначно включать в подсчеты собственно новгородского ополчения в отряде Гребенки Шуйского, тем более, что в тот раз их источники не упоминают. С другой стороны, исследователь почему-то не включил в свои математические расчеты житых и не учел участвовавших в походе новгородских «молодых», или «молodших» людей — низшей социальной категории тамошнего свободного городского населения, когда как и молододые и житьи прямо указаны новгородским летописцем в числе членов отряда Шуйского (ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 194-195). Согласно некоторым статьям Новгородской Судной грамоты, она объединяла купцов и черных людей — в них при установлении штрафов, взимаемых с разных городских слоев, «молodчий» противопоставлен знатным людям - боярину и житьему (Несин М.А. Купечество вечевое Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников — С. 181). А ведь, как было сказано выше, в тот раз новгородцы, вопреки своему обыкновению были на конях поголовно, не взирая на социальное, ни на материальное положение.

Поэтому, летописная цифра в несколько тысяч человек нам кажется вполне разумной.

¹⁴⁴ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 194

¹⁴⁵ Там же. — Стб. 194–195.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Стб. Т. 26. — С. 215; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 119.

¹⁴⁷ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 155.

¹⁴⁸ Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г. — С. 104-110. С точки зрения Д.А. Селиверстова, татары в составе своеобразного передового полка выступили одни, и были перебиты новгородцами, после чего в бой неожиданно для тех вступили русские воины Басенка, обстреляв татар из-за плетня. (Селиверстов Д.А. Русский Азенкур. — С. 16-17). Но это прямо противоречит данным новгородского летописания о совместных действиях москвичей и татар и у церкви Св. Ильи, где их полегло 50 человек, и у края города близ «поля», к которому те отступали по улицам и через «дворы», заманивая новгородцев в ловушку. Кстати, в «иной рати», неожиданно напавшей с поля» на новгородцев тоже были и москвичи и татары, которые вместе окружали обстреливали новгородцев. (ПРСЛ. — Т. 16. — Стб. 195; Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г. — С. 106).

¹⁴⁹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 215; ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 195; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 119.

¹⁵⁰ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 195

¹⁵¹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 215; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 119.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г. — С. 109.

¹⁵⁴ См. напр: Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 103-106.

¹⁵⁵ Цит. по: ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 196.

¹⁵⁶ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. — С. 821; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. — М.;Л., 1961. — С. 259-260.

---

¹⁵⁷ Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. — С. 32-33.

¹⁵⁸ См. напр: там же — С. 49-50.

¹⁵⁹ Псковские летописи. (Далее — ПЛ) — М., 1955. — Вып. 1. — С. 110; ПЛ — М., 1955. — Вып. 2. — С. 52, 148.

¹⁶⁰ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 202.

¹⁶¹ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 156.

¹⁶² ПСРЛ. — Т. 26. — С. 217; ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 200; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 121.

¹⁶³ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 445.

¹⁶⁴ Несин М.А. Социальная организация Новгородского веча // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 / составитель В.Ф. Андреев. — В. Новгород, 2013. — С. 72, 83. — Прим. № 6-8. Ныне П.В. Лукин подверг критике некоторые важные положения данной статьи о составе веча на Ярославовом дворе. Однако, не все его критические замечания представляются внятными: явно не соглашаясь с нашим пониманием летописного известия о вече, собравшегося зимой 1385/86 гг., он не уточняет, как иначе надо понимать ясный летописный оборот «вси бояре» (Лукин П. В. 1) Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода (специальность 07:00:02 — Отечественная история) — М., 2014. — С. 353. — Прим. № 1323; 2) Новгородское вече. — М., 2014. — С. 318. — Прим. № 273) Трудно согласиться и с его интерпретацией текста Волоколамской редакции повести о Посаднике Добрыне (Лукин П. В. 1) Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. — С. 360-361. — Прим. № 1351; 2) Новгородское вече. — С 325-326. — Прим. № 301). Даже если принять его гипотезу, что в Повести речь идет не о выехавших с посадником с городского веча соседях-боярах, а о его слугах, о присутствии на русском вече которых нет никаких ни прямых не косвенных данных — очевидно что масса новгородцев была тогда не на городской площади, а заранее заняла место на мосту, чтобы не пропустить, как посадник поедет с городского

собрания на корабле, и что с ним случится. И на городском вече посадник приказал немцам передать купцам его волю, а потом на нем говорил «за» купцов, явно там не присутствующих (Памятники старинной русской литературы — СПб., 1860. — Вып. № 1. — С. 252). При этом ученый не обратил внимание на приведенные нами данные археологии, а так же новгородские летописные сведения о том, что на дворищенских вечевых сходах люди не стояли вплотную а иногда во время ссоры находили место гоняться друг за другом, в том числе и доспехах. (Несин М.А. Социальная организация Новгородского веча. — С. 73-74) Поэтому его попытка доказать, что даже маленькой вечевой площади смогли бы сойти все мужи новгородцы (Лукин П.В.: 1) Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. — С. 320-332; 2) Новгородское вече. — С. 282-298) трудно признать убедительной и «релевантной», несмотря на привлеченный историком интересный и обильный материал по вместимости античных народных собраний и европейских кантонов. Таким образом, аргументация исследователя не опровергает впрдставительный характер городского веча на Ярославовом дворе. Другое дело, что П. В. Лукин убедительно оспаривает мнение некоторых авторов о неучастии в вечевых собраниях небоярских слоев. На основе разнообразных источников он наглядно демонстрирует что вече традиционно объединяло как бояр, так и рядовых новгородцев. Просто стоит признать, что городской площадью не ограничивалось и имело двуступенчатый характер, за счет предварительных кончанских — районных собраний. Таким же, вероятно, было устройство псковского веча, тоже объединявшего «весь Псков» от бояр до черных людей. Но, как известно, согласно археологическим изысканиям в Кроне, главная вечевая площадь Пскова «у Святой Троицы» была по размерам аналогичной новгородской дворищенской и тоже вмещала лишь сотни участников городского собрания. С вечем была связана и старая традиция формирования городского ополчения — изжитая уже в основном в Московском княжестве. В XV в. четко обозначилась

тенденция к консолидации бояр во вневедомственном правящем совете, что в перспективе при сохранении Новгородской и Псковской независимости привело бы, как в Полоцке, к затуханию веча, а также заодно и традиции постоянной мобилизации рядовых горожан в ополчение во время войн.

¹⁶⁵ ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 132.

¹⁶⁶ См. напр: Андреев В.Ф. Северный страж Руси. — Л., 1989. — С. 152-153.

¹⁶⁷ См. напр: Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в.. — С. 260-261.

¹⁶⁸ Зимин А.А. Витязь на распутье. — С. 112.

¹⁶⁹ ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб.132.

¹⁷⁰ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 156.

¹⁷¹ ПСРЛ. — Т. 5. — С. 272; ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 132.

¹⁷² ПСРЛ. — Т. 23. — С. 156.

¹⁷³ Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 366.

¹⁷⁴ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 202.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Псковские летописи — Вып. 1. — С. 110; Там же. — Вып. 2. — С. 52, 148.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 218; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 121.

¹⁷⁹ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 202.

¹⁸⁰ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 217; ПСРЛ. — Т. 27. — С. 121.

¹⁸¹ ПСРЛ. — Т. 16. — Стб. 200-202.

¹⁸² Пересняков А.Е. Образование великорусского государства. — Пг., 1918. — С. 412.

¹⁸³ См. напр: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. — С. 253; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. Соч. —С. 47.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ ДДГ. — С.487, 507.

¹⁸⁶ Акты Северо-Восточной Руси (Далее — АСВР). — М., 1952. —Т 1. — С. 656-700.

---

¹⁸⁷ Там же. — №№ 203, 224, 240, 253. — С. 144-145, 159-160, 171-172, 181-182.

¹⁸⁸ Там же. — М., 1958. — Т. 2. — С. 539.

¹⁸⁹ Там же. — № 101. — С. 139. — Прим. № 5.

¹⁹⁰ АСВР. — М., 1964. — Т. 3. — № 493. — С. 372, 540.

¹⁹¹ РНБ Софийское собрание. — № 177. — Об. 178.

¹⁹² Лурье Я.С. Из истории русского летописания конца XV века. — С. 163. — Прим.

№ 1.

¹⁹³ ДДГ. — №61. — С. 198.